

A romantic illustration of a young man and woman in a close embrace. The man, on the right, has dark hair and is wearing a black leather jacket. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a light pink blouse. They are positioned in front of a window or glass door, with a warm, golden light streaming through, creating a soft, intimate atmosphere. The background shows a blurred interior with some furniture.

ЛЕНА СОКОЛ

ПЛОХАЯ ДЕВОЧКА

Ничто
к тебе

Лена Сокол

Плохая девочка. Путь к тебе

Серия «Молодежная серия», книга 18

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70017856
Л. Сокол. Плохая девочка. Путь к тебе:*

Аннотация

Устав от болезненных отношений, Мариана выбирает одиночество. Но так ли легко сбежать от того, кто стал для тебя целой вселенной?

Они с Каем все еще вынуждены делить один дом на двоих, противостоять новым пугающим сложностям, а также бешеной страсти и взаимному притяжению.

Получится ли у них начать новую жизнь по отдельности, или любовь преодолет все препятствия?

Содержание

Часть 1	6
Мариана	6
Кай	21
Мариана	35
Кай	44
Мариана	54
Кай	76
Мариана	84
Кай	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Лена Сокол

Плохая девочка.

Путь к тебе

Лена Сокол

* * *

Слоган

Самые сильные чувства не проходят бесследно.

Плейлист

Sam Smith – Midnight Train

NANSI & SIDOROV – Любовь-игра

Елка – Моревнутри

Sam Smith – Good At Goodbye

KREC – Нежность

Bruno Mars – It Will Rain

Антон Беляев – Лететь

Марсель – Эта песня для тебя

GAYLE – Abcdefu

Триада – Белый танец

AURORA – Cure For Me

Bad Balance – Страсть

Brian McKnight – Nobody

Братья Грим – Вторая половина

Каста – Радиосигналы

Часть 1

Каждая история любви в итоге ведет к трагедии.

Мариана

– О, нет. – Выдыхает он, едва заведя меня на пороге своей квартиры.

Спешит захлопнуть перед моим носом дверь, но я оказываюсь быстрее – носок моего ботинка упрямо вклинивается в пространство между дверным полотном и косяком.

– Да погоди! – Устало стону я, дергая на себя ручку двери. – Ну!

– Только не ты. – Сквозь зубы, сокрушенно произносит парень. Высовывает голову наружу и настороженно оглядывает лестничную площадку. – Мне проблемы не нужны, понимаешь?

– С каких это пор ты боишься проблем? – Усмехаюсь я.

– С тех пор, как твой парень разбил мне нос и чуть не сломал челюсть! – Он переводит на меня недовольный взгляд. – И это не считая того, что все мое тело похоже на отбивную.

– Кай – не мой парень. – Качаю головой. – Я тебе уже говорила.

– За минуту до того, как он набросился на меня? Ах, да.

И как я мог забыть?

– Ви-и-ить... – стону я, беспомощно опустив плечи.

Меня пошатывает. Приходится опереться рукой о стену.

– Что тебе нужно, Мариана? – Сочувственно оглядывает меня парень.

– У тебя он точно не станет меня искать.

– Не хочешь его видеть?

– Не-а. – Отвечаю я, пытаюсь сфокусировать взгляд на его лице. – Можно мне войти?

Голова кружится, и удерживаться на ногах становится все труднее.

– Ты пьяна. – Констатирует Виктор.

– Разве только самую малость. – Пытаюсь показать пальцами, крошечное количество алкоголя, который выпила этой ночью.

Но Витя – парень не глупый, сразу видит, где вранье. Молчит и смотрит с осуждением, но мне плевать, что он подумает.

– Пьяна и отвратительно выглядишь. – Добавляет он.

– Мне больше некуда идти. – Жалобно произношу я. Вдруг меня поводит вперед, и я буквально повисаю на его шее. – Мне нужно выпасться, Вить...

– Тебе, конечно, плевать, что я рискую своим здоровьем? – Уже не так сердито произносит он, подхватывая меня и крепко прижимая к себе.

Но у меня нет сил на ответ, я просто закрываю глаза и проваливаюсь в небытие. Все хорошо, я в безопасности – кажется, этому парню можно доверять.

* * *

«Я люблю тебя, Мариана»...

«Я буду здесь!»

Его голос звенит эхом, раздирая неистовой болью мою черепную коробку.

Даже во сне Кай находит способ причинить мне страдания.

– Прекрати!.. – прошу я, отмахиваясь. – Хватит! Все! Я не хочу...

– Проснулась? Наконец-то. – Приводит меня в чувство голос Виктора.

И я, встrepенувшись, открываю глаза.

Мутные пятна через мгновение выстраиваются в стройный ряд ярких картинок. Кажется, это чья-то спальня. Темные обои, стол, компьютер, шторы зашторены. Постель – на ней я лежу, и Виктор – сидит на краю этой постели со стаканом воды в руке.

– Где... я? – Мой голос похож на скрип ржавой металлической двери.

– В моей комнате. – Усмехается он. – Уже забыла?

– Что я делаю у тебя в комнате? – Испуганно спрашиваю

я, натягивая на себя одеяло.

Но мое волнение вызывает у него лишь улыбку.

– Не кричи. – Просит парень. – Мать дома.

– Кто? Твоя мать?! – Нахмурившись, я пытаюсь восстановить в памяти события последних часов. – Ты что, живешь с мамой?

Так, по порядку.

Мы расстались с Каем. С моим сводным братом, моей ржавой занозой в сердце. Моим безжалостным обидчиком и самой главной страстью моей жизни. Моей первой любовью... Моей...

Господи.

Мы расстались скандально и грязно.

Его семья хотела обобрать меня, а Кай стал добровольным исполнителем их жестокой воли – в его обязанности входило влюбить в себя доверчивую дурочку и ободрать ее до последней нитки. Он причинил мне самую большую в моей жизни боль – растоптал мои чувства.

– Ну, мне восемнадцать. – Рассуждает Виктор, вырывая меня из плена собственных гнетущих мыслей. – К чему снимать отдельное жилье, если эта двушка в пятнадцати минутах от универа?

– Экономить, значит. – Вздыхаю я, касаясь пальцами висков и закрывая глаза от подступающей головной боли.

– Так живут все, у кого нет дома с бассейном. Примерно две сотни семей в этой старой девятиэтажке, и десятки тысяч

по всему городу.

Я поднимаю на него вопросительный взгляд.

– Прости, захотелось оправдаться перед тобой за отсутствие комфорта в нашей квартире. – Парень нервно прочищает горло.

– Я не избалованная принцесса, если ты об этом. – Морщусь я. – И мы жили совсем не богато до того, как бизнес родителей стал приносить первую прибыль.

– Кстати, вот. – Спихватывается он, протягивая мне стакан с водой, который все еще держит в руке, и блистер с таблетками со столика. – Должно помочь.

– От чего?

– От похмелья, конечно.

Я недоверчиво принимаю блистер, достаю пару таблеток, закидываю в рот и медленно запиваю водой.

– Спасибо. – Отдаю ему пустой стакан обратно. – Голова действительно раскалывается.

– Минут через десять станет легче. – Заверяет Виктор. – Полежи пока.

И я послушно опускаюсь обратно на подушку и уставляюсь в потолок. Мне должно быть стыдно за то, что завалилась в не совсем трезвом состоянии (точнее, в совсем не трезвом) к постороннему человеку. Но все, что я сейчас ощущаю – лишь пустота. Мне все равно, что будет дальше. Мне вообще на все – все равно.

– Как ты нашла мой адрес? – Негромко спрашивает Вик-

тор.

Я провожу ладонями по лицу, выдыхаю и поворачиваюсь к нему.

– Не имею ни малейшего представления.

– Серьезно?

Я сглатываю.

– Абсолютно. Я даже не помню, как провела последние сутки, и где.

– Ух, ты. – Присвистывает он.

Его лицо озаряет улыбка.

– Последнее, что помню, как кружила по району на такси, пытаюсь отыскать нужный дом. А потом спрашивала у твоих соседей, где здесь живет большой, крепкий парень с ключикой. – Я трясую головой, и это движение отзывается нестерпимой болью в затылке.

– Ты, наверное, хотела пойти к Алинке: она живет в крайнем подъезде дома напротив. – Пожимает плечами Виктор.

В его взгляде сейчас, хотя бы, не видно осуждения или сочувствия. Он смотрит на меня с живым интересом.

– Во-о-от как я узнала, где тебя искать... – Осеняет меня. – Точно. Она ведь говорила, что вы соседи. – Я облизываю пересохшие губы. – Нет. Я бы не пошла к ней, Алина не захочет меня видеть.

– Что-то случилось? – Хмурится он.

– Да так. – Вздыхаю я и делаю то, что следовало сделать сразу, как проснулась: отгибаю одеяло и проверяю, что под

ним. На мне мой топик и трусы, больше ничего.

Кто-то раздел меня? Или...

– Ты сама сняла юбку и колготки. – Предупреждая вопросы, замечает Виктор.

Я возвращаю одеяло на место и уставляюсь на него.

– Мы же с тобой не...

Его глаза округляются.

– *Нем!* – Выпаливает он. – Я не сплю с пьяными девицами, не способными себя контролировать.

– Так мы... – На всякий случай решаю уточнить я.

– Ничего не было. – Твердо отвечает Виктор, подтверждая свои слова переkreщиванием рук.

– Ясно. – Я опять уставляюсь в потолок.

В груди такая тяжесть, будто сверху на мне лежит наковальня.

– Но это не значит, что мне не хотелось. – Острил парень. – Ты ведь красивая девушка, и...

– И сколько я спала? – Перебиваю я его.

– Тринадцать часов. – Немного подумав, отвечает Виктор.

– Понятно. – Глухо отзываюсь. – А какой сейчас день недели?

– Ты серьезно? – Выдыхает он, наклоняясь над моим лицом.

– Немного потерялась во времени.

– Сколько ты выпила?

– Не знаю. Мешала все подряд. – Безразлично глядя в по-

толок, констатирую я. – А потом провал. Теперь пытаюсь понять, сколько времени прошло с тех пор, как...

В горле встает ком.

Мне плохо. И кажется, что плохо мне теперь будет всегда. Всякий раз, когда буду думать о нем.

Я задыхаюсь от мыслей, воспоминаний, флешбэков, что картинками лезут в голову. Любое воспоминание о Кае будет причинять мне боль до конца моих дней.

– Тебя я не видел с того момента, как Кай разбил мне нос и чуть не сломал челюсть. – Виктор касается пальцами припухшего лица. Я поворачиваюсь и замечаю, что его нос действительно выглядит не очень, и отек немного распространился на пространство под глазами. – Это было позавчера, Мариана.

– Позавчера... – Произношу я задумчиво.

Позавчера моя жизнь раскололась на «до» и «после». Я узнала, что меня бессовестно использовали. А еще была та девушка – Эмилия. *Она ждет ребенка от Кая.* Он станет отцом.

Ага.

И я приказала всей их семейке убираться из моего дома. Позавчера.

Ах, да. Еще я целовалась с Витей на глазах своей лучшей подруги, которая в него влюблена.

– Черт... – Я стискиваю зубы и беззвучно стону.

– Будь добра, не мычи, мать подумает, что мы трахаемся. –

Смеется Виктор.

Значит, мне только кажется, что беззвучно.

– Можно я останусь у тебя еще на пару дней? – Вдруг оgoroшиваю его вопросом.

– Чего? – Таращится он на меня.

– Я не была дома с позавчера, и возвращаться туда мне совершенно не хочется, понимаешь? Мне нужно время – прийти в себя. Нужно, чтобы отпустило, хотя бы, немного.

– Ты не была дома двое суток?

Я мотаю головой:

– Меня там никто не ждет.

– А как же...

– Не произноси его имя! – Хватаю его за рукав футболки.

Витя с непониманием уставляется на мою руку, затем громко сглатывает.

– Может, вам лучше не бегать друг от друга? – Спрашивает он спустя долгих полминуты.

– Ты ничего не знаешь. – Я отвожу в сторону взгляд.

– Кай, может, и не самый примерный мальчик, – рассуждает Виктор с сомнением, – но ты ему явно не безразлична. И даже больше – он помешался на тебе, хоть и сам тому не рад.

– Ты знаешь его не дольше меня. – Возражаю я, глядя в стену. – Если он и испытывает к кому-то чувства, то только к себе.

– Нет. Ты изменила его, – упорствует Виктор. – И я ни-

чуть не удивлен. Только такая, как ты, могла пробудить в нем чувства. Ему, конечно, тесно в них, как в одежде с чужого плеча, но они есть. Думаю, Кай мог бы постараться.

– Все. – Прошу я, обхватывая голову руками. – Замолчи.

– И если ваши чувства взаимны, вам следовало бы попытаться сохранить отношения.

– Это не отношения! – Взрываюсь я. – Садо-мазо какое-то! – Бросаю взгляд на растерянное лицо Вити. – Любовь... Которую причиняют, а не дарят. И страданий всегда больше, чем радости. Эти «отношения», как ты их называешь, имели смысл, пока мне нравилось страдать, но больше я этого не хочу. Ни один человек не стоит того, чтобы из-за него жертвовать собой!

– Тс-с. – Парень жестом просит не орать.

– Тогда помолчи и ты.

– Но ты ведь любишь его.

Я осекаюсь. Мне нечем крыть. Может, и люблю, но теперь я каменная – изнутри и снаружи. Пустота, вызванная разочарованием, сильнее любых других чувств. Она их поглощает, замещает собой.

– Себя я люблю больше. – С горечью, наконец, произношу я.

Эти чувства источили меня, как вода точит камень. Обтекали, изменили форму. И если пытаться продолжать в том же духе, вскоре от меня не останется ничего.

– Кай – испорченный мальчишка с ненавистью вместо

крови в венах. – Добавляю я скрипучим голосом. – Он ломает все, к чему прикасается. Играет людьми, как игрушками, забывая о том, что они живые, и что у них тоже есть чувства. Посмотри на себя – тебе тоже досталось. Он – настоящий псих, в секунду теряющий контроль. Опасный для общества. Что будет дальше, если я забуду обо всем, что он сделал, и останусь с ним? Качели? Два дня счастья и неделя ада? А потом по кругу – снова и снова, как на гребаной карусели? Спасибо, я накаталась и хочу сойти прямо сейчас, пока меня не вырвало.

– Поэтому ты прячешься от него? – С теплотой в голосе спрашивает Виктор.

– Мне нужно накопить сил. – Честно отвечаю я.

Оттолкнуть Кая, глядя ему в глаза, очень сложно. Практически невозможно. И я знаю, что еще не готова, что могу дать слабину, растаять от его прикосновений, от его сладких слов.

– Вам все равно придется встретиться.

– Не хочу думать об этом сейчас. – Вздыхаю я, до боли закусывая губу.

Виктор встает, открывает шторы. За окном догорает закат.

Ничего себе. *Закат*. Я проспала весь день.

– Ты, наверное, голодна? – Спрашивает он, оборачиваясь ко мне.

– Я ничего не хочу. Вообще ничего.

– Ладно. Мать уйдет, и мы поедим.

– Что ты ей сказал? – Интересуюсь я, приподнимаясь на подушке. Голову начинает понемногу отпускать, и мысли проясняются. – Насчет меня.

– Что ты – моя девушка. – Улыбается Виктор, пожимая плечами. Надо признать, улыбка ему очень идет: его лицо сразу становится красивым, сияющим. – А что мне было говорить?

– Пьяная девица в кожаной юбке, сетчатых колготках и сапогах на шпильке, заявившаяся к тебе в шесть утра и больше похожая на шлюху после смены – твоя девушка? – Беззвучно смеюсь я.

– Как уж есть. – Усмехается он, разводя руками. – Обычно я не вожу к себе девушек, и они не остаются на ночь! Один раз после выпускного здесь была Алинка, но мать тогда уезжала на дачу, а второй раз – это когда приходила Дашка, моя напарница по научному проекту, но у нас ничего такого не было, и вечером она уехала с Ка...

По тому, как кровь отливает от его лица, я понимаю, что Витька нечаянно проговорился и теперь не знает, как выкрутиться.

– С Каем? – Хрипло говорю я.

– Я не знаю, встречались вы уже тогда или еще нет. – Пряча взгляд, отвечает парень.

– Когда это было? – Мне становится трудно дышать.

– Когда его отстраняли на пару недель от тренировок и

игр после драки с Лернером...

Кай тогда частенько не ночевал дома, так что очень на него похоже.

– Он своего не упустит. – Тихо произношу я, пытаюсь улыбнуться.

– Слушай, прости. – Виктор снова опускается на край постели, вынуждая меня посмотреть на него. – Я не хотел. Вырвалось. Тебе неприятно было это слышать, и я жалею, что ляпнул, не подумав.

– Ничего. – Безжизненно говорю я. – Он целует меня при всех, затем бьет Макса, затем спит с другой девчонкой – вроде все логично. Вполне в стиле Кая.

– Не бери ты в голову. – Чешет затылок Виктор. – Парни они... ну... по-другому устроены. Для него этот... э-э-э... случайный контакт с Дашкой, он ничего не значил. Я уверен.

Я вижу, как парень краснеет от неловкости за друга, и меня это забавляет. У меня не получается удержаться от улыбки.

– Конечно, я понимаю.

В тот момент, когда все мои мысли – каждую чертову минуту – были заняты Каем, он веселился с другой девчонкой, чье имя, уверена, даже не запомнил. Пока я пыталась готовиться к тесту, он обменивался с ней слюной, купался в ее поту, исследовал ее тело руками, глазами, языком, насаживал ее на себя – глубоко и яростно, пока не кончил...

Представив, как Кай тяжело дышит, прижав к себе незна-

комку и уткнувшись носом в ее волосы, я содрогаюсь от подступающей тошноты. Мне хочется отмыться от одних только картин, предстающих перед моим внутренним взором. Как его только не выворачивает от брезгливости, когда он прикасается к кому попало? Что он за человек такой?!

– Мариана? – Виктор касается моей руки.

И я вздрагиваю.

– Мне жаль, ему следовало лучше относиться к тебе.

– Я в порядке.

Но, судя по его взгляду, мои слова не произвели должного эффекта.

– Все это не стоит того, чтобы ты вставала на путь саморазрушения. – Мягко произносит он.

– Даже и не думала.

– В какой момент? Когда надиралась ночью до бессознательности непонятно где, или когда делала это уродливое тату на щиколотке? – Его правая бровь приподнимается. – Прости, я не специально: увидел его, когда твоя нога выставилась из-под одеяла.

Я зажмуриваюсь, вспомнив про татуировку. Вздыхаю с досады, затем открываю глаза и медленно достаю ногу из-под одеяла. На щиколотке, под заживляющей пленкой, темнеет маленькая надпись: «NO MORE».

– Оно не уродливое. – Неуверенно говорю я, вытягивая ногу.

– Значит, глупое, пошлое и пафосное. – Цокнув языком,

с умным видом заключает Виктор.

– Разве что слегка. – Соглашаюсь я, улыбнувшись, и продолжаю разглядывать татуировку.

– Зато, когда завяжешь с выпивкой и ночными гулянками, сможешь набить рядом «wine». – Хмыкает он. – Получится «no more wine» – «никакого больше вина».

– Или «rain». – Задумываюсь я. – No more rain – больше никакой боли. Никогда. – Качаю головой. – Вот черт! Я же хотела набить напоминашку: типа больше никогда не верь никому. Никогда не чувствуй, не позволяй себе влюбляться, и тогда тебе не будет больно. Но по факту... Черт, черт! – Сокрушаюсь я, пряча ногу под одеяло. – По факту, я буду вспоминать о нем всякий раз, когда вижу эти долбанные слова! – Я смеюсь, закрыв глаза и мотая головой. – Вот дерьмо. Лучше сдохнуть, чем вот это вот все...

– Что мне в тебе нравится, так это оптимизм. – Сжав мою ладонь, говорит Виктор.

И в следующее мгновение из-за двери раздается женский голос:

– Вить?

– Мать пошла к подруге, провожу ее. – Отпустив мою руку, поднимается он. – Лежи, я сейчас вернусь.

– Спасибо тебе. За все. – Шепчу я.

Кай

Дверь открывается прежде, чем я успеваю в нее постучать. Застываю с поднятой вверх рукой:

– Здравствуйте.

Женщина хмуро оглядывает меня сверху донизу и кривит ртом. Похоже, это его мать.

– Вить, это, наверное, к тебе. – Бросает она через плечо.

И выходит из квартиры, едва я успеваю отойти в сторону, чтобы уступить ей дорогу. Я возвращаю взгляд на порог, и вижу в прихожей Сереброва. Он в домашних спортивных брюках, футболке и босиком.

Парень замирает, увидев меня. Его глаза округляются – Витек теряет самообладание. Но только на мгновение, уже через секунду он сжимает губы в тонкую бесцветную линию:

– Чего тебе?

Звуки шагов его матери удаляются вниз по лестнице.

– Привет. – Говорю я, переминаясь с ноги на ногу. – Можно мне войти?

– Не стоит.

Но я уже вхожу и закрываю за собой дверь, оставив снаружи затхлость подъезда и запах духов его мамы.

– Что тебе здесь понадобилось? – Серебров, прихрамывая, отходит на пару шагов назад и складывает руки на груди.

Он жутко нервничает, хоть и старается не подавать вида.

– Это... я тебя так? – Решаю уточнить, разглядывая отеки и ссадины на его лице.

– Не будь у меня реакции, выглядел бы страшнее. Так какого лешего тебе здесь понадобилось?

– Обычно я не извиняюсь. – С трудом выдавливаю я. – Да и сама ситуация...

Я потираю ладонью щеку с выступившей на ней щетиной: с момента ухода Марианы у меня не получалось ни поест, ни поспать, но усталость не чувствуется. Сердце все еще бьется, как оголтелое, разгоняет кровь по телу и не дает панике осесть на поверхности подсознания и остыть. У меня просто не получается успокоиться. Для того, чтобы это произошло, я должен найти Мариану.

– Короче, извини. – Выпаливаю я. Мне адски трудно это сделать потому, что перед глазами все еще пляшут искры воспоминаний, в которых моя девушка ерзает на коленях Сереброва, а его лапы перемещаются по ее спине: от талии и ниже. – Я знаю, зачем она это сделала. И я это заслужил.

Мне приходится стиснуть челюсти, ведь, глядя на Витька, я все еще вижу ее в его объятиях. Вижу, как она его целует, и мне снова хочется врезать другу за то, что он позволил этому случиться, за то, что не остановил ее и не остановился вовремя сам.

Легкие горят, я почти задыхаюсь, но настолько измотан и отчаялся, что уже не чувствую ничего, кроме боли в груди – там, где перепуганное и смятенное сердце с силой барабанит

в рваном темпе.

– Я понимаю. – Цедит сквозь зубы Серебров и плечом наваливается на стену.

Он хмурится, и через эти морщинки на лбу рвется наружу его растущее раздражение. Виктор с трудом сдерживается, чтобы не послать меня подальше. Пару месяцев назад я не стал бы даже извиняться перед ним, но теперь все по-другому. Я – другой, у меня в голове все перемешалось, и приходится приспособливаться к новой жизни, где во что бы то ни стало нужно вернуть Мариану, ведь без нее мне не выжить.

– Я не злюсь. – Говорю, сделав глубокий вдох, а затем выдох. – Не злюсь на тебя. Она вела себя так, потому что я был для нее дурным примером. Мариана мне хотела сделать больно, а я сорвался. На тебя.

Каждое слово дается мне через дикую боль.

– Я не девчонка. – Холодно говорит Серебров. – И не буду плакать и обижаться, передо мной не нужно извиняться. Давай, просто закроем тему. Все, проехали.

Он бросает взгляд на дверь, словно намекая, что мне пора.

– Я не знал, куда еще пойти. – Наконец, признаюсь я. – Я уже был везде – ее нигде нет.

– Кого? – Меняет позу Виктор, прикусывает нижнюю губу, рассеянно почесывает шею.

– Марианы.

– А, да. – Кивает он, хмурясь.

– Ищу ее третий день подряд, ее телефон отключен. У ме-

ня уже крыша едет! – Восклицаю я, начиная снова задыхаться. – Я потерял ее, понимаешь? Потерял!

– Успокойся. – Прочистив горло, просит Виктор.

– Я все потерял! – Обреченно выдыхаю я. – Все разом навалилось: мать, Эмилия, ребенок! А я вел себя как м...

– Ребенок? – Он не дает мне договорить.

– Заявилась моя бывшая – Эмилия. Сказала, что беременна. Это чертов бред, этого просто не может быть, понимаешь, Вить?! – Я провожу ладонями по лицу. – Но она каким-то образом связалась с Марианой и вывалила все это дерьмо на нее!

– У тебя реально будет ребенок от бывшей? – Друг выглядит пораженным.

– Нет, черт тебя подери! – Вспыхиваю я. – Говорю же, исключено! Но представь: сначала Мариана слышит, что моя мать хочет прибрать к рукам наследство Харри, затем моя бывшая оказывается беременной – якобы от меня! Представляешь, как все это выглядит? Теперь Мариана думает, что я ее использовал ради своих целей, что лгал ей, а этот... этот ребенок – он вообще... – Я бессильно взмахиваю руками, а затем бью с досады ладонью по стене.

– Звучит паршиво. – После паузы произносит Серебров.

– Согласен.

– И... – Его взгляд скользит по стенам прихожей, затем поднимается на мое лицо. – Что планируешь делать?

– Сначала мне нужно найти Мариану. Мы поговорим, за-

тем решим. – Мое сердце колотится в груди все быстрее. – Я должен найти ее и все объяснить, все исправить. Она ушла из дома в таком состоянии... Боюсь, как бы не попала в беду.

– Ты был в универе?

– Она не пришла на занятия. Понимаешь, что это значит?

Мариана никогда не прогуливает лекции.

– Может, она у Алины? Ее подружка, рыжая, помнишь?

Качаю головой:

– Клянется, что не знает, где она.

– Девчонки всегда защищают друг друга. Наверное, Алинка в курсе, но хочет уберечь ее от встреч с тобой.

– Не похоже. – Говорю я, вспоминая о нашем с Алиной разговоре. Она выглядела удивленной и встревоженной. – Нет, не думаю.

– А кто сейчас в доме Харри?

– Никого. – Пожимаю плечами. – Я возвращался туда несколько раз за это время, чтобы проверить, но от нее ни следа.

– Думаю, тебе стоит дождаться Мариану там. Ей ведь больше некуда возвращаться? Значит, в любом случае вернется – за документами, учебниками и прочим.

– И Хвостик. – Внезапно осеняет меня.

– Что?

– Наш котенок. – Объясняю я. – Я кормил его, но она в любом случае будет за него беспокоиться и вернется, чтобы

удостовериться, что мать с Лео покинули дом. Все верно! Мне нужно бежать и ждать ее там! – Меня накрывает волной облегчения. – Спасибо!

– Да не за что. – Отзывается Серебров, явно с облегчением от того, что я, наконец, сваливаю.

– Ладно, бывай. – Прощаюсь взмахом руки, разворачиваюсь и толкаю дверь.

– Ага. Держи в курсе. – Слышится его голос в спину.

Я делаю шаг за порог, и вдруг меня прошибает, словно молнией. Замираю на мгновение, сглатываю и трясущейся башкой в нежелании верить, а затем медленно оборачиваюсь.

– Это ведь ее? – спрашиваю, не узнавая собственный надломленный голос, и указываю Витьке, который торопился закрыть за мной дверь, на сапоги, стоящие справа. Черные, замшевые, на тонкой шпильке. – Да? – По спине пробегает лед. Я вхожу обратно и прикрываю дверь. С болью перевожу взгляд на друга. – Это ее сапоги? Она здесь?

С лица Сереброва отливает кровь. Он хоть и смотрит на меня без страха, но отвечать не спешит.

А ведь я так хотел, чтобы он сказал, что это сапоги его матери.

Нет, мать вашу, нет! Вот дерьмо...

– Где она?! – Гремит мой голос, разрывая горло. Мы почти одного роста, но я буквально возвышаюсь над ним от пульсирующего по всему телу гнева. – Где?!

Витька нехотя перемещает взгляд на комнату.

Я бросаюсь туда, с силой толкаю чертову дверь и... вижу ее.

В этот момент кто-то будто силой выбивает воздух из моих легких. Земля плывет под ногами, а сердце с размаху обрушивается вниз и ударяется об пол.

Мариана стоит на пороге комнаты, окутанная полутьмой. Она растрепана, ее волосы распущены, спутаны и в беспорядке раскиданы по плечам. Остатки косметики и туши для ресниц небрежно размазаны по ее лицу. Мариана босиком – я отмечаю это моментально. А еще она *без одежды* – на ней лишь тонкое одеяло, обернутое вокруг хрупкого обнаженного тела.

Нет. Нет...

Какого...

– А вот и папочка. – Со стиснутыми зубами усмехается она, наткнувшись на мой ошалелый взгляд.

На миг меня охватывает желание перевернуть всю мебель в этой квартире, разбить ее в щепки – голыми руками, смети с полок все безделушки, повалить стены.

– Ну, привет. – Лениво добавляет Мариана, ловя мой взгляд, следующий за одеялом, ненароком сползшим с ее плеча к груди.

Я поднимаю глаза в поисках ответов. Кто-то должен мне сказать, что это все неправда, и, клянусь, что пойму. Кто-то должен сделать это немедленно.

Но Мариана улыбается.

– Что... – Глупые, никчемные, неспособные хоть что-то исправить слова застывают на моих губах.

Лицо моей сводной сестры сочится болью, на ее ресницах повисли слезы, но улыбка – она дикая, анархичная. Безумная. Больше похожая на оскал раненого животного, которое готово бросить последние силы на ответный удар, если его посмеют тронуть. Это улыбка доведенного до отчаяния человека. Разбитого, сломанного. Мариана – сломана, и это я ее сломал. Я разбил ее большое и светлое сердце, потоптался на нем и окончательно уничтожил.

Все происходящее – только моя вина.

– Давно она здесь? – Я поворачиваюсь к Сереброву.

«Скажи, что я все не так понял. Что это мираж, ошибка. Это все неправда»

Но стоит отдать ему должное, он сохраняет самообладание. Мне это делать труднее. Я, кажется, только что умер и падаю в пустое, черное небытие.

– Послушай, Кай. – Его голос меняется, становится жестче.

И остатки веры в лучшее рассыпаются внутри меня, превращаясь в прах.

– Вы с ней... – Но я не успеваю договорить потому, что Мариана начинает хохотать.

Я резко поворачиваюсь:

– Одевайся!

– Что? – Издевательски тянет она.

И смеется, откинув голову назад, будто услышала какую-то нелепицу. И в этот момент во мне просыпаются все демоны, которых я так старался усмирить в последние дни.

– Одевайся, я сказал! – Гремит мой голос на всю прихожую. Я сам пугаюсь той ярости, которую обрушиваю на нее. – Собирайся! Быстро!

Мариана вздрагивает, вцепляется в одеяло и смотрит на меня с изумлением, будто не узнает. От смеха ни следа. Но уже через секунду ее взгляд проясняется: она с облегчением выдыхает, и на ее лице рождается горькая улыбка.

– Наконец-то. – Устало произносит она. – Теперь я узнаю тебя. Теперь передо мной ты – *настоящий*.

– Ты что, обкурилась? – Бросаюсь я на нее. – Ну-ка, посмотри на меня!

Мариана делает шаг назад, и мой взгляд падает на постель, где все происходило. При мысли об этом у меня сносит башню: в груди разгорается пожар, голову затуманивает пламя гнева.

– Когда ты так себя ведешь, мне легче. – Благодарно улыбается Мариана. – Спасибо.

– Что за чушь ты несешь?! – Злюсь я. Захлестывающие эмоции мешают мне соображать. – Одевайся, я сказал! – Хватаю ее за запястье и грубо его сжимаю. – Где твои вещи?! – Резко отталкиваю девушку, окончательно теряя контроль.

Мариана оступается и неуклюже падает на смятые про-

стыни. Одеядо, которым она прикрывалась, слетает вниз, обнажая ее упругие округлости.

Постыдная сцена.

– Эй! – Грубо одергивает меня Серебров. – Ты что себе...

И я делаю то, что умею лучше всех, и к чему привык – бью его по лицу со всего размаху. А дальше происходит неожиданное: меня вдруг уводит в сторону потому, что Витька успевает увернуться. И не дожидаясь, пока я восстановлю равновесие, левой рукой он прихватывает меня за грудки, а правой обрушивает на мое лицо всю тяжесть своего удара.

– Еще раз тронешь ее, я тебя убью! – Выплевывает он мне в лицо, пока я пытаюсь прийти в себя, считая искры перед глазами и слушая звон в башке.

Первая мысль: дать сдачи. Вторая: бить его до тех пор, пока от Сереброва не останется жалкая лужица. И я всегда так поступаю, ведь привык любые вопросы решать в драках. Но третья мысль меня оглушает: *Мариана*.

Я причинил ей боль.

Теперь еще и физическую.

Я толкнул, она упала. Да что я за урод-то такой?!

– Ты понял меня?! – Витек трясет меня, точно куклу.

И я постепенно прихожу в себя. Мне стоит адских усилий удержать кулаки в узде, не дать им пересчитать все кости бывшего друга.

– Руки убери. – Рычу я, отталкивая его от себя.

Возвращаюсь в вертикальное состояние, одергиваю курт-

ку и поворачиваюсь к Мариане. Она смотрит на меня в ужасе.

– Одевайся, или я унесу тебя отсюда прямо в одеяле. – С угрозой и по слогам произношу я.

Трогаю ладонью свою челюсть – место удара отнялось, практически ничего не чувствуется. Почти как там, где было мое ледяное сердце: она его растопила и уничтожила, его больше нет. На его месте пусто.

– Унесешь? – Будто не расслышала, повторяет Мариана. – Ты меня унесешь?

– Да. – Я бросаю на Сереброва предупреждающий взгляд: пусть только попробует мне помешать. – Что непонятного? Или ты все мозги растеряла?

– Как вещь? – Она поднимается с постели и гордо расправляет плечи. – Как свою собственность?

– Нам нужно поговорить, и мы поговорим. – Твердо говорю я. – Только не здесь.

Весь мир трясется. Поверхность земли будто пытается скинуть меня с себя.

Я теряю всякое понимание того, что происходит, мне отчаянно не хочется в это верить. Глухое отчаяние камнем врезается в мою грудь, и внутри будто вылетает какой-то клапан: я чувствую, что сдуваюсь, что могу разрыдаться, хотя, представления не имею, как это делать.

– *Мне не о чем с тобой разговаривать.* – Сократив расстояние между нами, выпаливает Мариана. Она бьет меня

в плечо дрожащей рукой, и я ощущаю ее дыхание на своих сухих губах. – И я никуда с тобой не пойду!

– Пойдешь. – Упрямо отвечаю я, глядя прямо в ее большие глаза, захваченные слезами.

– Заставишь меня силой? Свяжешь, скрутишь, ударишь? А что дальше?! – Кричит она мне в лицо, задыхаясь. – Ты хоть раз думал, что будет дальше? Как мы будем жить с тобой?! Ты же конченный, ты всех ненавидишь: даже меня и себя! Ты хоть раз задумывался, чего хочу я? Я! Не ты. Ты хоть раз думал о желаниях других людей, Кай?!

– Хватит. – Прошу я. – *Ты не в себе.* Оденься, мы поедem домой и там поговорим.

Сейчас эти слова кажутся мне самыми правильными на свете. Нам всем нужно просто успокоиться, и все пройдет.

– Не в себе? – Мариана начинает смеяться. – *Я не в себе?!* Ее поведение заставляет злость внутри меня закипать с новой силой.

– Посмотри на себя. – Говорю я. – Ты смеешься, словно умалишенная.

Серебров делает шаг, и это вынуждает меня бросить на него очередной предостерегающий взгляд. «Только попробуй встать между нами, и я больше не буду сдерживать себя».

– Ох, ну да. Тебе бы больше понравилось, если бы я плакала. – Смахнув слезы с ресниц, с жаром восклицает Мариана. – Если бы рыдала! Тебе ведь больше нравилось, когда я смотрела на тебя со щенячьей преданностью, да, Кай?

Мое дыхание останавливается. Я умираю от желания прикоснуться к ней, прижать ее к себе, зарыться лицом в ее волосы, но все мое тело сковано необъяснимым страхом.

– Ты наслаждался моей покорностью. – Влажные губы Марианы дрожат, подбородок трясется. – Ты забрал мою невинность, смял ее, а потом вышвырнул – вместе с моей душой. А ведь я хотела только одного – любить. Просто любить тебя. *Только тебя.* Я не хотела быть твоей очередной подстилкой, а ты... ты уничтожил меня.

– И поэтому ты здесь? Тебе *так* плохо, что ты тут же пришла, кому тебя утешить? – С досады выпаливаю я. – Я ищу тебя третий день, а ты кувыркаешься здесь? С ним? Да скажи спасибо, что я вообще с тобой разговариваю после этого!

На миг ее лицо вытягивается, затем до краев заполняется разочарованием. Мариана сглатывает, оглядывает меня с головы до ног и с насмешкой произносит:

– Трахается он, кстати, лучше тебя.

Вселенная замирает.

Мы остаемся вдвоем. Я смотрю в лицо девушки, которая перевернула всю мою жизнь, и не узнаю его. Маска из гордости и боли – вот и все, что от нее осталось. И это я с ней сделал, это моих рук дело.

– Не расстраивайся, – кокетливо поправив одеяло под грудью, мурлыкает она и игриво подталкивает меня плечом, – лучше порадуйся за меня: ты сам сказал, что мое тело не священо. И я лишь следую твоим советам – распоряжаюсь

им, как хочу, и занимаюсь сексом с тем, с кем хочу. Ни в чем себе не отказываю.

Меня пошатывает.

Мариана отомстила мне, и что хуже – я это заслужил. Она знала, как сделать мне больно, ведь я был для нее лучшим учителем.

– Ненавижу. – Выдыхаю я ей шепотом в губы.

– Знаю. – Сочувственно пожимает плечами Мариана. – Прости. – Она обводит меня долгим, усталым взглядом. – И, если ты закончил, уходи. Нам с Витей не терпится продолжить то, что мы начали до твоего прихода.

Мне хочется закричать, но я больше не могу. У меня нет сил. Голова идет кругом. Ее слова режут меня без ножа, ковыряют по коже, пускают кровь.

– Скажи, что это неправда. – Молю я жалким, беспомощным детским шепотом.

Мариана как в замедленной съемке мотает головой:

– Уходи.

Мне кажется, я тучей плыву на выход, с меня капает вода, просто этого никто не видит. Я весь превращаюсь в гребаный ливень, бушующий у меня внутри и рвущийся наружу.

– Вон! Вон из меня! Из моего сердца, из моих кишок, из моих мыслей – вон! Убирайся! Пошла! Вон отовсюду! – Орет мое сознание, когда я, молча, сбегая вниз по ступеням подъезда. И только маленький мальчишка на дне коробки с обидами тихо бормочет: – Я умру без тебя... *Умру...*

Мариана

Я – убийца. Убиваю словами, калечу, ломаю. И мне не нужно объяснять, как это делается – я просто повторяю на нем его же проверенные фирменные приемы.

Ты смотришь прямо в глаза и говоришь совсем не то, что думаешь. Такая игра «наоборот». Говоришь и наблюдаешь, как он корчится, когда эти слова переворачивают его нутро, сдирают кожу, царапают внутренности, продираются битым стеклом по желудку и выбираются наружу грязным месивом из злости и слез.

Великолепно!

И так больно. Так сладко. Все, как он любит.

– Уходи, – произношу я из последних сил, видя, как взгляд Кая дичает и плывет.

Мне хочется броситься ему на шею, прижаться лицом к его щеке и грудью к его груди. Хочется вдохнуть его запах, обнять его крепче, целовать его до тех пор, пока не перестану чувствовать припухшие от поцелуев губы. Но ни один мускул на моем лице не дергается в тот момент, когда я поражаю его этими словами, точно выстрелом.

Уходи...

Мне было бы легче, если бы он стал крушить все вокруг, если бы ударил меня, наорал, унизил, оскорбил. Но Кай уходит, не сказав больше ни слова, и прежде, чем я понимаю,

что так будет лучше для нас обоих, я остаюсь в крошечной темной страшной комнатухе без воздуха и света с диким желанием закричать ему вслед – хоть что-то закричать.

Хлопает дверь, и я вздрагиваю всем телом. Этот хлопок как выстрел – пронзает меня насквозь.

Я бессильно опускаюсь на кровать, и слезы словно срываются с внутренней цепи. Грудь начинает ходить ходуном, плечи трясутся, и лицо разом затапливает горячей влагой.

Я не проронила ни слезинки, пока Кай был рядом, не хотела, чтобы он видел мою слабость, и, вероятно, это сослужило плохую службу – теперь рыдания буквально выворачивают меня наизнанку, до тошноты, а от слез мутная пелена плывет перед глазами.

Слышу только, как Витька, не проронив ни звука, выходит из спальни. Его шаги стихают в коридоре. А через пару минут он возвращается со стаканом воды, протягивает его мне.

– Он ушел? Ушел? – Захлебываясь в рыданиях, спрашиваю я.

– Да. Вернуть его? – Спрашивает парень.

«Да! Пожалуйста! Пожалуйста, верни, я не смогу, я не хочу без него!» – говорит душа. И тут же внутренний голос ее обрывает: «Он разбил тебя на осколки, сделал из тебя ничто, растоптал!»

– Нет. Нет... – Лепечу я, размазывая слезы по щекам.

Беру стакан, пью воду, стуча зубами о стеклянный край.

Одеяло спустилось до бедер, но мне плевать. Но не Се-

реброву – он забирает стакан, ставит его на столик и помогает мне прикрыться. Садится рядом и после вздоха обнимает меня, прижимает к груди.

– Мне так плохо. – Всхлипываю я.

В этот момент мне кажется, что больше незачем жить. Больше нет ничего: ни жизни, ни мечты. Никаких смыслов.

– Я думал, он меня убьет. – Тихо признается Виктор.

Все мои слезы впитывает его футболка.

– Прости. – Пищу я, содрогаясь от слез.

– Если сразу не убил, то подумает, переварит и все равно убьет – только медленно и расчетливо. – Усмехается он, поглаживая меня по спине.

– Я не хотела втягивать тебя.

– Какая теперь разница.

– Мне хотелось сделать ему больно. – Признаюсь я, поднимая на него взгляд. – Чтобы он тоже мучился и страдал.

– Поэтому ты разделась, услышав его голос в прихожей? –

Вскидывает бровь Виктор.

– Угу.

– Честно говоря, я обалдел. – Вздыхает он. – Подумал, ну все – сдохну ни за что.

Его слова вызывают у меня улыбку, и я горько смеюсь сквозь слезы.

– Ты сумасшедшая. – Тихо говорит Серебров. – Странная.

Не такая, как все.

– Это плохо?

– Это очень плохо. – Отвечает он, задумчиво глядя в мое заплаканное лицо. – Потому что сбивает мужчин с толку.

– Я теперь совсем другая. – Немного успокоившись, замечаю я. Мои плечи все еще ходят ходуном. – И мне немного страшно.

– Отчего?

– От того, что я теперь будто каменная внутри: мне ничего не хочется – жить, учиться, добиваться, даже быть счастливой. Совсем ничего.

– Ты еще будешь счастливой. – Уверенно заявляет Виктор, стирая большим пальцем влагу с моих щек. – Даже не сомневайся. А вот Кай... Даже не знаю, в какую сторону его теперь кинет.

– Давай, расскажу тебе, как будет. – Вздохнув, предлагаю я. – Он уйдет в запой, будет во всем винить меня и ненавидеть, потом перетрахаёт полунивера, и все эти девицы будут ненавидеть его. Ненависти определенно станет больше в этом мире. А еще жалости. Он будет жалеть себя, и от этой жалости пострадает его будущий ребенок, который также останется без отца, если Кай вовремя не возьмется за голову.

– Уау. – Выдыхает Серебров. – Сценарий фильма.

– Нам точно будет лучше друг без друга. – Выбираясь из его объятий, говорю я. Выпрямляюсь и откидываю мокрые от слез волосы назад. – А знаешь, что дальше? Серия вторая. Я стану стервой в мини-юбке, и Кай станет звать меня шлюхой в компании друзей. Временами он будет мне снится, но

я никогда не подам вида.

– Почему? – Улыбается Витя.

– Потому, что я ни за что не наступлю на эти чертовы грабли еще раз. Ты же видел: он – манипулятор, абьюзер, эгоист и конченный псих. Все наши отношения – это «хорошо» – «плохо» – «очень хорошо» – «адски больно». Год таких качелей, и я застрелилась бы. Ни один нормальный человек такого не выдержит.

– Но сбежать – не выход. – Поворачивается ко мне Витя.

– Мне нужно просто научиться жить без него.

– И быть стервой в мини-юбке?

Я пожимаю плечами.

– Пусть и так.

– Хочешь пасть на самое дно? Стать плохой?

Мне становится смешно.

– В нашем обществе достаточно уважать себя, чтобы таковой считаться.

– А раньше ты себя, значит, не уважала?

– Раньше я думала, наши с ним чувства того стоят. Закрывала глаза на себя в надежде на то, что Кай станет другим. Но люди не меняются. По крайней мере, не так. Не по щелчку пальцев. Не из-за каких-то там чувств, понимаешь? Они могут измениться, если сами того захотят. Но любви недостаточно. Ее всегда недостаточно.

– Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении. – Серьезно говорит Виктор.

– Сейчас мне плевать, – признаюсь я, задевая его плечо своим. – На все плевать, понимаешь?

Некоторое время мы сидим и смотрим в стену, затем я снова поворачиваюсь к нему.

Мне нужно что-то делать, чтобы не вспоминать о Кае, чтобы не думать, чтобы не позволять слезам течь беспрерывно.

– Лучше бы я влюбилась в тебя. – Срывается с моих губ.

Проходит несколько мгновений прежде, чем Серебров поворачивается ко мне и одаривает сомневающимся взглядом.

– Почему? – Хрипло спрашивает он, прищулив один глаз.

– Потому, что ты земной и понятный. И привлекательный. Это трудно признать, когда ты одержим чем-то столь же демоническим, как Кай Турунен, но нельзя не заметить.

Губы парня изгибаются в полуулыбке, светлые глаза сияют. Витка явно озадачен. Ему кажется, что он читает мои мысли, но, честно говоря, ни хрена про меня не знает. Каждая клеточка моего тела заполнена Каем, и мне еще долго придется его оттуда вытравливать.

– Мне это очень нужно. – Шепчу я, придвигаясь к нему теснее.

Мое сердце сжимается и разжимается в груди в такт тяжелому дыханию.

– Что именно? – Недоверчиво и настороженно интересуется Серебров.

«Чтобы ты замолчал», – подсказывает внутренний голос.

– Вот это. – Отвечаю я, отпуская край одеяла, прикрывав-

ший мою грудь, и позволяя ему упасть.

– Мариана... – успевает сказать парень, но я уже сокращаю расстояние между нами до минимума: забираюсь ему на колени и лихорадочно вожу руками по его волосам.

А затем целую Виктора – медленно и глубоко, до тех пор, пока он не теряет способность разговаривать и сопротивляться. Это совсем не такой поцелуй, какой был у нас в клубе: я не играю с ним, не провоцирую – я прошу у него ласки, которая залечила бы мои раны, вернула бы меня к жизни, спасла бы меня.

И он целует меня в ответ, и целует еще больше, и еще – так, будто не может насытиться. А я стону сквозь зубы, ерзая у него на коленях и чувствуя, насколько сильно он возбужден.

– Стой, подожди. – Задыхаясь, просит Виктор, воспользовавшись тем, что я отвлеклась на стягивание с него футболки через голову.

Но я тут же затыкаю его рот новым поцелуем и отшвыриваю футболку в сторону. Серебров пытается сопротивляться, но его выдают руки, жадно мечущиеся по моему телу, стискивающие бедра, ласкающие грудь.

– Мариана, – шепчет он, отрываясь.

Чем, конечно же, все портит. С утра я не могла придумать, зачем мне жить, а теперь снова ощущаю себя живой и желанной. Он что, не может просто заткнуться и дать мне то, чего я хочу?

– Эй. – Виктор перехватывает мои запястья.

Теперь у меня нет выбора: сбивчиво дыша, я смотрю в его глаза.

– Не нужно мстить ему при помощи меня. – Переведя дыхание, произносит он.

– Это не месть. – Выдыхаю я, прижимаясь к нему голой грудью. – Мне просто нужно знать, каково это: когда без чувств. Я должна понять, как это – без любви, когда просто секс, и больше ничего.

– Ты не сможешь. Это уже будешь не ты. – Осторожно спуская меня с колен, говорит Виктор.

– Давай попробуем. – Лгну к нему я, чуть не плача.

Он наклоняется ко мне и нежно убирает непослушные пряди волос мне за уши. Проводит большим пальцем по моей щеке:

– Мариана, я ведь не Кай. – Усаживает меня на диван. Отвлекается на секунду, чтобы взять свою футболку, и надевает ее на меня через голову. – Я своего не упущу: буду бороться за тебя до конца.

– Но...

– Поэтому не играй со мной. – Просит Виктор, отводя голову назад и глядя на меня. – Только по-настоящему, или никак. Слышишь?

– Но разве с другими девушками...

– Это другие девушки. – Перебивает он меня. – С ними сразу все по-другому, потому что они так хотят. И потому,

что они умеют играть в эти игры.

– Ты меня недооцениваешь. – Обиженно надуваю губы я.

– А если наоборот – ценю? – С улыбкой отвечает вопросом на вопрос Серебров. Подмигивает, встает и выходит из комнаты. – Так что ты желаешь на ужин? – Доносится его голос из коридора уже через секунду.

Кай

Следующие несколько часов я вряд ли смогу восстановить в памяти. Добрался до дома – черт дери как. Кажется, шел пешком. В любой другой момент моей жизни, когда было плохо, я без раздумий выпускал своих демонов наружу – надирался до беспамятства, затевал кровавую драку или отрывался на вечеринках до самого рассвета, и эти простые действия всегда забирали часть моей боли.

Но в этот раз я точно знал, что не поможет. Ни алкоголь, ни хорошая взбучка не способны вернуть к жизни того, кто мертв. А именно таковым я себя и ощущал. Вернее, не ощущал совсем – ничего не чувствовал. Не слышал и не видел того, что вокруг. Это состояние, как затяжной прыжок из самолета, когда у тебя есть парашют, но ты намеренно не желаешь его использовать: даже когда до земли остается каких-то пара мгновений.

Со мной уже происходило такое однажды. Шок и опустошение – вот, что я испытывал, когда ушел Харри. Но крошечный свет надежды на то, что отец может вернуться, теплился во мне потом еще долгие годы. А теперь? У меня даже нет слов, чтобы описать, что происходит у меня в голове. И что хуже – нет понимания того, как я это допустил? Как позволил сердцу открыться и кого-то полюбить?

Я останавливаюсь у двери дома и долго смотрю на дверь.

Не хочу. Не могу войти туда, где мне было так хорошо с ней. Не могу находиться там, где все потерял.

Как все так быстро перевернулось? Вот я панике мечусь, надеясь, что все можно вернуть назад, а уже через мгновение Мариана вбивает гвоздь в крышку моего гроба – своими пронзительными голубыми глазами, трепещущими длинными ресницами и пухлыми алыми губами: «Занимаюсь сексом с тем, с кем хочу».

Но разве не этого я хотел? Не это предлагал ей? Я сам желал, чтобы Мариана была плохой. Чтобы легче было ее ненавидеть, чтобы это избавило меня от любых терзаний и сомнений. Так в чем же дело? Отчего так пусто внутри, что раздирает душу на части?

Душа...

Я улыбаюсь кривой ухмылкой безумца. Совсем недавно я думал, у меня ее нет.

Распахиваю дверь и вхожу. Как в бреду плетусь по пустой гостиной, прислушиваясь к тишине. Скидываю кроссовки и оглядываюсь вокруг.

– Твою мать. – Произношу глухо. – Твою ма-а-ать! – Ору на выдохе, толкая руками пустоту. – Будь ты проклята, твою мать!

– Мяу. – Доносится откуда-то.

Я поворачиваюсь на звук и вижу котенка, выбегающего из-за дивана. Он направляется ко мне, но я отворачиваюсь

и падаю в кресло. Закрываю лицо руками. Делаю тяжелый, судорожный вдох, но предательский кислород никак не хочет попадать в мою глотку, сопротивляется. «Черт, почему же так тяжело даже просто вдохнуть?»

– Мяу. – Что-то теплое касается ноги.

Мне хочется заорать, чтобы он убирался, хочется оттолкнуть его, но вместо этого я сцепляю зубы до хруста и тихо стону, по капле выдавливая из себя с этим звуком все раздражение и злость.

– Мр-р. – Хвостик прыгает мне на колени.

И я замираю. У меня нет даже сил, смотреть на него. Наверное, он все еще пахнет Марианой, и у него такие же большие, обманчиво-преданные наивные глаза. Я отворачиваю лицо и натываюсь на свое отражение в зеркале – ну, и мерзость. Выгляжу дерьмово: будто не спал две ночи. Но так и есть, и все время, пока я искал ее, мои нервы были на взводе, а мозг кипел.

Хвостик трется о мою грудь, мурлычет, но так и не добивается от меня ответной реакции. Я вряд ли способен дать тепла, чтобы обогреть даже такого кроху, как он. Мое тело абсолютно бесполезно, а внутренности черны – они сгорели, изгнили, превратились в прах, и от меня смердит одиночеством и болью. Единственное мое желание – никогда не вставать с этого кресла, врасти в него, превратиться в обивку и стать невидимым.

– Ты вернулся! – Разрывает тишину истеричный вопль. –

Слава богу!

И меня начинает тошнить.

«Нет, господи, только не это, не сейчас...»

– Наконец-то, Кай! Я чуть не сошла с ума, не знала, ждать тебя или нет!

Котенок испуганно жметя мне под мышку, я зажмуриваюсь в надежде, что, когда открою глаза, все исчезнет – в том числе и этот визгливый голос. Но шаги приближаются.

– Ты чего? – Раздается перед самым носом.

Я с неохотой открываю глаза, прямо передо мной – Эмилия.

Не представляю, что держало нас вместе так долго? Не спорю, она – красивая девчонка, но мы абсолютно разные, нам даже говорить было не о чем. Просто хреновы традиции: король школы встречается с королевой, поэтому он и король. И я держался за это. Так было удобно.

– Что с лицом? Ты упал? Ударился? Опять с кем-то подрался? С кем? – Она выстреливает эти слова, как из пулемета.

– Эм. – Прошу я, поморщившись. – Не ори, у меня башка сейчас лопнет.

– Тебе больно? – Эмилия тычет пальцем мне в челюсть.

– Ай, – отталкиваю ее от себя, когда боль в месте удара простреливает молнией в голову.

– Ты ведь никогда не успокоишься, да? – Нависая надо мной, спрашивает она. – Так и останешься таким. Диким.

Ее губы обиженно поджимаются, а я пытаюсь сфокусировать на ней взгляд и разглядеть в ее лице что-то такое, что должно сейчас сдерживать меня от лавины грубостей, которую я хочу на нее низвергнуть. Эм сказала, что у нее будет ребенок. От меня. *Мой ребенок*. Эта новость должна перевернуть мое сознание, поменять мое отношение к ней, но ничего не происходит.

Что со мной? Неужели, я конченный? Неужели, настолько поломанный, что не способен на элементарные чувства? Почему у меня к ней даже тепла и сочувствия не возникает? Ничего не щелкает внутри, не екает, не отзывается. Пусто.

– Я стою перед тобой, ты смотришь на меня, но не замечаешь. – Озвучивает мои мысли Эмилия. Ее красивое лицо меркнет. – Что ты такое, Кай?

– Ничто. – Шепотом отвечаю я.

Ничтожество. Грязь. Пустота. Тьма.

– Столько лет, и ты ничего ко мне не чувствуешь? – Качает она головой. – Что мне еще сделать, чтобы ты меня заметил? – Эмилия падает передо мной на пол. – Встать на колени? – Прижимает руки к груди, будто собирается вырвать сердце. – Умолять тебя?

– Прекрати. – Меня ее поведение только злит.

– Все старшие классы я была рядом. – Говорит она надтреснуто. – Была твоим другом, твоей девушкой, твоей любовницей, товарищем. Я была рядом, когда тебе было плохо, и когда хорошо. Я оставалась с тобой даже, зная, что ты

увлекся еще кем-то, и не раз. Мне казалось, они для тебя – лишь эпизоды, а я – твое большое, сильное, яркое. Я – твое главное! И только поэтому закрывала глаза на все.

– Ты была со мной потому, что хотела этого. – Вздыхаю я, глядя, как она улыбается, чуть не плача, и как ее губы дрожат. – Я не просил.

– За что ты так со мной? – Эмилия облизывает губы, делает судорожный вдох. – За то, что я всегда была тебе верна?

– Говорю еще раз: я тебя не просил.

– Ты бросил меня и свалил! – Вскрикивает она и бьет меня по ноге. – Столько лет! А ты не удостоил меня даже объяснениями!

– Брось. – Перекладывая перепуганного котенка на колени, цежу я.

– Чертов эгоист! Урод! – Взвизгивает Эмилия, поднимаясь с колен. – Непрошибаемый! Ты хоть понимаешь, что у нас будет ребенок?! – Она взмахивает руками. – Понимаешь, что из-за твоего скотского отношения ко мне он будет расти без отца?! Понимаешь, что, если я сейчас уйду, ты никогда не увидишь его?!

– Нужно еще разобраться... во всем. – Прочистив горло, говорю я.

Ее лицо вытягивается.

– Катись к чертям! – Бросает Эмилия.

Разворачивается и пулей припускает к двери. Останавливается на полпути и бежит обратно, подхватывает сумку,

стоящую возле дивана, закидывает на плечо и снова бросается к выходу.

Я наблюдаю за ее метаниями с неясным чувством, похожим на досаду. Ребенок – не муха, от него не отмахнешься. Пожалуй, мне стоило бы мягче относиться к его матери – может, я и говно, но точно не хочу, чтобы мой сын повторил мою судьбу и тоже стал озлобленным, травмированным, не способным себя контролировать и обиженными на весь мир чудовищем.

– Стой. – Произношу я негромко, когда она отворяет дверь. – Да стой ты! – Ору ей вслед прежде, чем она захлопывает дверь за собой.

Да что за день такой!

Мне приходится встать, открыть окно и прокричать:

– Эм! Стой! Да вернись ты, ну, давай, поговорим!

Ее аккуратная фигурка замирает на подъездной дорожке. Эмилия медленно оборачивается, она тяжело дышит, смотрит на меня затравленно, недоверчиво, а я силюсь вспомнить все хорошее, что было между нами. Но больше вспоминается плохое, происходившее по моей вине. И неотвратимо наваливается ответственность: вступая в любые отношения, ты несешь ее в той или иной мере. Когда ухаживаешь, когда заботишься, защищаешь, когда что-то обещаешь девушке, делишь с ней обед или ложишься с ней в постель.

Эмилия не была той, что проходит через твою койку и остается незамеченной, той, чье имя ты не вспомнишь на

утро. Она не была особенной, не была той самой, и уж, конечно никогда не была Марианой, которая одним взглядом впивалась в сердце. Но я ее выбрал. И она пару лет была моей официальной подругой – той, кого мне следовало уважать, и кому нужно было быть верным, чего я не смог или не захотел.

– Вернись в дом. – Вздыхаю я, позволяя чувству вины затопить меня до кончиков ушей.

Мой это ребенок или нет, но я должен взять ответственность за него и за его мать, независимо от того, в каком качестве мы продолжим с ней общаться.

– Папа еще не знает. – Всхлипывает Эмилия, переступая порог. Она стирает слезы с щек и прячет взгляд. – Он меня убьет...

Я стою, словно истукан, котенок тычется носом мне в грудь. Нужно что-то сказать, но меня мутит от происходящего.

– Мне некуда идти. – Девушка поднимает глаза, в них сквозит печаль и растерянность.

– Ты не думала про аборт? – Эти слова вырываются из меня помимо воли.

Она застывает в изумлении.

– Я в смысле... – С трудом собираю слова в предложения. – Зачем тебе ребенок от такого, как я? Ты могла бы начать жизнь заново: у тебя состоятельная семья, они оплачивают тебе учебу в университете, впереди карьера или семей-

ный бизнес – на выбор. Сампо – городок небольшой, но тебя там ничто не держит, ты могла бы...

– Ты. – Выдыхает Эмилия, сцепив руки в замок на груди. – Ты держал меня там, и если бы я поехала куда-то, то только вслед за тобой. Я люблю тебя, Кай. И всегда любила. Иначе, зачем? Все эти унижения, боль, игнор, твои загулы – я терпела все, только бы быть с тобой. Я надеялась, ты возьмешься за голову. А теперь ты предлагаешь убить твоего ребенка. Хочу ли я? Нет. Смогу поступить так? Никогда. Он – часть тебя, которая навсегда останется со мной, даже если ты уйдешь.

– Ребенок – это большой шаг. Ты могла бы завести его с тем, кто захочет быть его отцом. – Мне хочется быть с ней предельно честным.

– Ладно, я поняла. – Поправив сумку, улыбается она.

Вот дерьмо.

– Не уходи. – Вздыхаю я. – Мы... придумаем, как быть.

– Ты не обязан. – Говорит Эмилия, сжимая ремешок сумки все сильнее, пока пальцы не начинают белеть.

Ей чертовски трудно произносить эти слова – это видно.

– Нет, обязан. – Чужим голосом говорю я. – Если ты решила его оставить, я буду рядом.

Она врывается в мои объятия, игнорируя котенка, который впивается когтями через одежду мне в кожу с перепугу. Но Эмилию это мало волнует. Орошая слезами мои футболку и куртку, она всхлипывает:

– Я знала, что мы будем вместе, что ты меня не бросишь. Я так скучала, Кай!

– Я... буду помогать тебе. – Растерявшись от ее напора, бормочу ей в макушку. – Слушай, Эм, я не говорю, что мы снова пара, я имел в виду...

– Спасибо, спасибо! – Пищит она, сотрясаясь в рыданиях.

Вот черт. Мои руки безвольно опускаются, но уже через секунду правая гладит спину Эмилиии.

– Теперь все будет по-старому. – Шепчет она.

– Ты перегибаешь, я не это сказал. – Сопrotивляюсь я, с трудом удерживая растущее раздражение.

– Тебе просто нужно время. Главное, что мы вместе.

Нет. Это не так. Но на этот раз я не спешу ее поправлять.

Мариана

Я не испытываю чувств. Только злость.

Однажды Кай бросил эти слова мне в лицо в приступе ревности. Жестокий, запутавшийся, огрызающийся на всех мальчишка, так и не решающийся повзрослеть.

Каждая мысль о нем причиняет мне боль. Обрывки наших разговоров, картины наших встреч, воспоминания о коротких счастливых мгновеньях разгоняют сон, стучатся в голову, бередают еще не зажившие раны. Чем сильнее я стараюсь думать о чем-то другом, тем навязчивее становятся эти флешбэки – и хороших среди них, конечно, намного меньше.

Память швыряет мне их, точно кадры старой киноплёнки: вот Кай грубит мне, вот угрожает, пугает, больно стискивает запястье, шею, прижимает к стене, кусает мои губы, тянет за волосы, сминает мое тело в своих руках. И каждый раз я с благодарностью принимаю унижения и прошу еще – еще больше боли, ненависти, изощренной сладкой пытки, больше сумасшествия и горького яда, который маскируется под любовь.

Мне наивно казалось, что со мной он станет другим, но так бывает только в сказках. В жизни ты либо принимаешь человека, как есть, и любишь, несмотря ни на что, либо трастишь годы, нервы, здоровье и всего себя на то, чтобы переделать его и, в конце концов, идешь своим путем – без него.

Я еще не знаю, как буду жить без тебя, Кай.

Не знаю, смогу ли.

Но очень четко осознаю лишь одно: когда мы вместе, мы разрушаем друг друга. Ты привык к самоуничтожению, а я чувствую, что скоро от меня ничего не останется. Мне нужно привыкнуть жить без тебя. Мне нужно снова стать самой собой.

– Что? – Сонно бормочет Витя.

Я молчу, глядя в окно, где солнечный свет тщетно пытается разогнать хмарь сизых туч.

– Ты что-то сказала? – Он трет глаза.

– Нет, спи. Еще рано.

– Угу. – Его голова падает обратно на подушку, рука ложится на мое бедро.

Через секунду Витька засыпает обратно: его дыхание становится ровным и спокойным.

– Мне нужно научиться жить без тебя, – почти беззвучно говорю я тяжелому осеннему небу.

И закрываю глаза, но сон так и не идет.

Всю эту ночь я не спала. Лежала под одеялом, Витя рядом – на одеяле. В домашних спортивных брюках и футболке, все невинно. Хотя, не вполне: он обнимал меня всю ночь, и я ему позволяла. Мне нужны были его сильные руки, его тепло рядом. Просто, чтобы окончательно не свихнуться. Мне нужно было не быть одной – быть с кем-то, и желательно с тем, кто даст просто помолчать, не полезет в душу, не станет

заваливать советами и топить сочувствием.

Мне нужно было, чтобы кто-то держал меня над пропастью, в которую меня засасывало с каждым часом все сильнее. Мне нужен был кто-то максимально не похожий на того, кто разбил мне сердце – чтобы не думать о нем. Но вот беда – Кай пробрался в меня так глубоко, что выгнать его оттуда сможет только время.

– Ты куда? – Спыхватывается Серебров, когда я осторожно убираю его руку и выбираюсь из-под одеяла.

– В душ. – Шепотом говорю я.

Выскальзываю за дверь и на цыпочках крадусь в ванную комнату. Не хочется встретиться с его матерью: она и так, наверное, неизвестно что думает о новой подружке сына, а если увидит, как я сейчас выгляжу, то, уверена, вызовет полицию.

В ванной я включаю воду, ложусь и смотрю в потолок. А затем меня накрывает. Боль распускается в груди черным цветком, раздирает внутренности. Слезы жгут глаза, рыдания сдавливают горло. Страх свинцовой рукой вдавливают меня в поверхность ванны, живот сводит от спазмов.

– У тебя все хорошо? – Стучит в дверь Витя.

– Угу. – Отзываюсь я.

И беззвучно кричу в кулак. У меня все плохо. «Очень плохо, Вить, и мне жаль, что ты оказался тем, кого мне пришлось поставить в неловкое положение из-за моей душевной травмы».

А потом я выхожу и вижу их на кухне: Витю и его маму. Оба застыли, глядя на меня. Мне хочется сделать вид, будто я не заметила их, но родители воспитывали меня по-другому.

– Доброе утро, – здороваюсь я, замерев посередине коридора.

На мне Витина футболка – длиной до середины бедра, мокрые волосы висят спутанными прядями, влагу от них впитывает ткань. Женщина ставит кружку на стол и оглядывает меня сверху вниз: от лица до босых ног, выражение ее лица становится еще более растерянным.

– Мама, это Мариана. – Всккивает со стула Серебров. – Мариана, это... мама.

Он подходит ко мне, забирает мокрое полотенце из моих рук, швыряет его на крючок в ванной. Мы с его матерью продолжаем неотрывно глазеть друг на друга, и мне настолько не по себе, что мурашки бегают по коже.

– Тетя Оля. – Наконец, говорит она сдержанно. – Ольга. Ольга Сергеевна. – Вытирает руки о фартук и указывает на стул. – Проходи.

– Я... – мне хочется вылезти из собственной кожи.

– Пойдем завтракать. – Обняв меня за плечи, осторожно подталкивает Витя.

Его мать уже суетится: ставит для меня еще одну кружку на стол, наливает чай.

– Я не могу, мне пора. – Шепчу я, сопротивляясь.

Но он буквально впихивает меня на кухню.

– Садись. – Давит на плечи. – Успеем перекусить, выпить чай или кофе, до занятий еще полтора часа. Я тебя подвезу.

– Я не пойду на занятия, – шепчу я, когда его мать отходит, чтобы нарезать бутерброды. – Ни в той одежде, и не сегодня.

– Я отвезу тебя переодеться. – Успокаивает Витя, усаживаясь рядом.

– Я не готова. – Вздыхаю я.

– Пожалуйста. – Ставит тарелку с бутербродами на стол Ольга Сергеевна.

Ее пронизательный взгляд продолжает внимательно меня изучать.

– Спасибо. – Натягивая футболку на бедра, бормочу я.

– Съешь, пожалуйста, хотя бы, один. – Строго наставляет Виктор, подвигая мне тарелку.

Но у меня все еще нет аппетита.

– Спасибо, не хочется.

– Тогда у тебя совсем не будет сил. Нужно уже начинать есть – даже через «не хочу».

Я ловлю на себе еще один вопросительный взгляд его мамы: женщина, похоже, вообще перестала понимать, что происходит.

– Слушай, я пойду, ладно? – Говорю я, вставая. Кладу руку ему на плечо. – Не обижайся, Вить, ты был очень добр ко мне, но мне нужно побыть одной.

– И куда ты? – Он поднимается следом.

– Еще не знаю.

– Извините. – Бросаю его матери и спешу в спальню.

– Ты домой? Тебя подвезти? – Спрашивает Виктор, пока я ищу топ и юбку.

– Не знаю. Нет. Не знаю. – Вздыхаю я.

– И куда ты пойдешь? – В его голосе слышится волнение.

– Просто пойду, а там будет видно.

– У тебя волосы сырые, на улице ветер. – Он преграждает мне путь.

Я смотрю в его доброе лицо с пару секунд, а затем встаю на цыпочки и крепко обнимаю. От Сереброва приятно пахнет домом, уютом и мужским потом.

– Дашь мне куртку?

– Дам. – Теряется он, бессильно роняя руки.

– А это? – Отпускаю его и указываю на стул, где висят спортивные синие треники с эмблемой клуба.

– Зачем?

– Не хочу снова надевать те вещи.

– Да, бери. – Кивает Виктор.

Я натягиваю его штаны, они, конечно, висят на мне – велики на пару-тройку размеров. Без спроса беру его носки, надеваю.

– Куда ты в таком виде? – У него нет сил даже, улыбнуться.

– Какую куртку можно взять? – Выхожу в прихожую.

– Вот. – Снимает с вешалки и передает мне тренировоч-

ную ветровку.

Я надеваю ее, застегиваю, прячу волосы под капюшон.

– Слушай, мне что-то совсем не хочется тебя отпускать. – Мотает головой Серебров.

Он выглядит растерянным и отчаявшимся, переживает за меня.

– Черт. – Я уставляюсь на его кроссовки: вот уж где несоответствие размеров становится большой проблемой. Затем смотрю на свои сапоги на шпильке. – Черт, черт. – Потом мой взгляд падает на старомодные черные кроссовки. – А эти...

– Я выношу в них мусор. – Раздается голос Ольги Сергеевны.

Женщина стоит в дверях кухни с кружкой в руке.

– Можно мне... – Начинаю я.

– Забирай. – Кивает она.

– Спасибо, я верну. – Обещаю я.

Едва сдерживая слезы, надеваю обувь, затем поворачиваюсь к Виктору. Он хмурится. Я упираюсь лбом в его грудь, от этого прикосновения хочется расплакаться еще сильнее.

– Ключи и твой телефон. – Говорит Серебров и кладет что-то тяжелое в карман ветровки. – Если решишь включить и позвонить, я приеду, куда скажешь.

– Угу.

Я отрываюсь от него и бросаюсь к двери.

– Куда скажешь, поняла? – Гремит его голос.

– Да.

* * *

Мы оба потеряли Харри, поэтому и притянулись. В этом было все дело. Два одиноких сломанных подростка, два ищущих сердца: мы просто искали тепла друг в друге. Не было никакой любви.

И сама себе не верю.

В какие бы игры не играл мой сводный брат, для меня все происходившее между нами было более чем настоящим и реальным. Как отличить любовь от сумасшествия? Да черт его знает! Вряд ли кто-то в мире вообще способен ответить.

У меня болит сердце. И это прекрасно, ведь если где-то в теле ощущается боль, значит, ты еще жив.

Я иду вдоль холодных улиц, меряю шагами километры дорог. Неизвестно, какой это район, какой час, мне нужно просто идти вперед. Не останавливаться. Суматошные голоса, топот шагов, шелест шин – все остается извне, моя главная стратегия этого дня – не отрывать взгляда от кроссовок, будто именно в них заключен тайный смысл всей вселенной.

Где бы я сейчас не находилась, надеюсь, что это далеко от дома. Мне нельзя туда возвращаться потому, что там он. Не хочу с ним встречаться, не могу его видеть. Пусть думает обо мне все, что хочет. Мне все равно.

Ложь.

Я вру сама себе. Снова и снова.

– Эй, осторожнее, придурок! – После сигнала клаксона орет какой-то водитель.

Я обнаруживаю себя возле капота его тачки на оживленной улице, и это отрезвляет. Даже визг шин не прорвал стену моей печали, но его раздраженный голос на мгновение пробился, и я испуганно шарахаюсь в сторону.

– Протрезвей! – Бросает он, срывая автомобиль с места.

Я пячусь назад, не поднимая головы. Перед глазами плывет от слез. Мне нужно быть сильной, но все мои мысли в этот момент о маме и Харри: почему они меня бросили? Почему оставили одну? Как я должна справляться со всем этим, если я совершенно не готова?

Я поднимаю взгляд и вижу аллею. Добираюсь до нее и обрушиваюсь на свободную скамейку. Где та уверенная в себе, сильная Мариана, что выгнала из дома чужаков и отомстила Каю? Мне сейчас хотя бы кусочек ее энергии! А то не отпускает чувство, будто рассыпаюсь на мелкие частицы, словно гора пепла на ветру.

Я упираю руки в колени и уставляюсь в пустоту. Наверное, у меня сейчас выражение лица, как у человека, пытающегося решить невероятно сложное математическое уравнение, но, на самом деле, понять, как жить дальше, а главное – зачем, задача еще более сложная.

– Слышь, пацан. – Окликает меня кто-то.

Словно через вату я ощущаю, что кто-то присел рядом.

Осенний ветер подхватывает и доносит до меня тонкий аромат женских духов. Я медленно поворачиваю голову.

Девушка. Красивая, ухоженная, в тренче цвета латтэ. С легким макияжем и модным омбре на волосах, переходящим из каштанового в светло-русый. Ее темные глаза смотрят вопросительно, но они настолько живые и лучистые, что у меня перехватывает дух – наверное, такой взгляд бывает у счастливых, довольных жизнью людей.

– Парень, у тебя есть телефон? – Наклоняется она, чтобы заглянуть мне под капюшон и лучше рассмотреть лицо. – Я такая ворона: оставила свой в отеле, а теперь не могу даже такси вызвать. Мы где, вообще, находимся? Не ориентируюсь в вашем городе. У меня командировка, пошла прогуляться после делового обеда, хотела сделать селфи – ну, и блин... мобила-то есть?

Девушка переводит взгляд на мою одежду и осекается. Вероятно, у меня прикид беспризорника, и до нее только что дошло, что просить телефон бесполезно.

– Понятно. – Бормочет она, поднимаясь со скамьи.

Оглядывается в поисках других прохожих в аллее.

– Есть, но я не могу его включить. – Хрипло отзываюсь я.

Девушка снова оборачивается ко мне.

– Почему? – Ее удивление выглядит искренне.

Я поднимаю на нее взгляд, и капюшон спадает с головы. Рассыпанные по плечам светлые волосы и девичьи черты, очевидно, приводят ее в восторг:

– Ой, прости, ты не пацан... – Незнакомка опускается обратно на скамью.

– Телефон есть, – продолжаю я, вынимая его из кармана, – только если включу его, придется прочитать все сообщения и увидеть пропущенные, а это... сейчас выше моих сил.

Не знаю, зачем говорю ей все это.

– О, ясно. – Задумчиво произносит она. – Знаешь, можно телефон утопить или сжечь, но прошлое все равно нас находит. Стоит ли бегать от него?

– Тот, кого я не хочу видеть, еще не в прошлом. – Говорю я, борясь с подступающими слезами. – Этот костер еще не догорел.

– Так. Все. – Вдруг говорит строгим голосом девушка. – Ни один мужчина не стоит этого. – Она придвигается ближе.

– Чего именно?

– Чтобы перестать из-за него наслаждаться жизнью.

– Да я...

– И даже не думай реветь. – Она лезет в сумочку в поисках чего-то. – Ни один парень, кем бы он ни был не достоин твоих слез. Ни одной твоей слезинки, понятно?

– Я с первого дня знала, что все кончится плохо. – Дрожащим голосом говорю я.

– Так всегда бывает. – Продолжая поиски, ворчит она. – Каждый раз понимаешь, что вляпался в дерьмо, когда уже вляпался.

– Откуда вам знать?

– Ну, судя по всему, я лет на десять тебя старше, опыт у меня богатый. Готова поспорить, выиграю у тебя по количеству раз, когда устраивала слезные потопаы и думала, что больше никогда – вот вообще никогда – не буду счастливой.

– Я думала, он изменится. – Всхлипываю я.

– Если парень не такой, какой тебе нужен, то вряд ли им станет – запомни это правило. Хотя... на то мы и женщины, чтобы не терять надежду. Да где сраный платок? – Вспыхивает незнакомка. Выворачивает сумку и вываливает ее содержимое прямо на скамейку. Половина косметических средств: помады, тушь, духи валяются на землю сквозь щели между досками. – Не в смысле, что он сраный, но бесит, что вечно теряется! Во!

Она хватает пачку одноразовых носовых платков, вынимает сразу пару и протягивает мне. Я прикладываю их к глазам.

– О, телефон. – Усмехается девушка, обнаружив пропажу в журнале, что был у нее в сумочке. – Видимо, завалился меж страниц. Говорил же мне ненаглядный, чтобы не таскала с собой весь дом, но тут ведь только все нужное.

– Я помогу. – Утерев слезы, опускаюсь на колени, чтобы помочь ей собрать вещи.

Поднимаю с земли всякую мелочевку, помогаю убрать в сумочку.

– «Куда едем»? – Разговаривает девушка с приложением в телефоне. – Так, ага, где-то тут был адрес отеля. Во. От-

лично. Машина будет через три минуты. – Она поднимает на меня взгляд. – Эй, а тебя подвезти куда-нибудь, Золушка?

– Нет, спасибо. – Я подбираю последний упавший предмет – абонемент в vip-зону на все игры сезона «темно-красных». – Любите футбол? – Сажусь обратно.

– Терпеть ненавижу. – Отмахивается она. – Это мне бывший прислал, он за них играет.

– Ходите на игры к бывшему?

– Мой нынешний с ним дружит. – Говорит как о чем-то само собой разумеющемся. – Так что бывает.

– Ого. – Мне не удастся скрыть потрясение. – Значит, вы поддерживаете приятельские отношения?

– С бывшим? – Усмехается незнакомка. – Да. В целом, это несложно – в моем случае. Но так бывает только, если ты не любила по-настоящему. Хочешь, подарю тебе? Абонемент. – Ее лучистые глаза согревают. – Сходишь, развеешься как-нибудь.

– Я вряд ли буду в столице. – С улыбкой замечаю я, разглядев маркировку на карточке.

– С ним ты сможешь посмотреть матч в любом городе, где будут играть «темно-красные». – Она бросает взгляд на экран телефона, затем снова на меня. – У меня есть минута, чтобы угостить тебя чем-нибудь. Ты, наверное, голодна? – Девушка кивает на стоящий поодаль ларек с фастфудом. – Хочешь хот-дог? Бургер? Картошку? Может, хочешь пить?

Сначала до меня не доходит, но спустя мгновение прихо-

дит озарение: это все из-за моего внешнего вида – выгляжу я точно беспризорник.

– Нет, спасибо. – Гордо говорю, накинув на голову капюшон, и уставляюсь вдаль. – У меня есть деньги, я сама куплю себе поесть, если проголодаюсь.

Ее взгляд вопросительно скользит по кроссовкам тети Оли.

– Ясно. – Задумчиво произносит девушка. Она копошится в сумке, напевая что-то под нос, затем встает. – Ладно, мне пора, машина подъезжает. – И не дождавшись ответа, добавляет. – Извини, если чем-то тебя обидела. Просто хотела помочь. Ты... милая и красивая девчонка, такие не должны реветь у всех на виду. Что бы там у тебя не стряслось, знай – оно того не стоит. Точно говорю. И... никогда не показывай никому своих слез, особенно мужчинам. Они не должны знать, что мы плачем из-за них.

– Вы что, психолог? – Устало спрашиваю я, не поднимая на нее головы.

– Нет. – По голосу слышно, что она улыбнулась. – Но я была бы рада, если бы кто-то сказал мне эти слова в мои восемнадцать. Я не потратила бы столько лет, перебирая козлов и страдая по ним ночи напролет.

Незнакомка удаляется, и я поворачиваюсь, чтобы проводить ее взглядом.

– Эй, ваш журнал! – Кричу, заметив на скамейке потрепанный выпуск «Manner».

– Оставь себе. – Бросает она улыбку через плечо. – Счастливо!

Я вижу, как у обочины дороги ее подбирает автомобиль. Такси уносится прочь по улице, а мне становится то ли смешно, то ли неловко. Эта шикарная молодая женщина, выглядывшая точно фея, приняла меня за замарашку-Золушку. Отвратный, наверное, у меня сейчас видок, если ей захотелось облагодетельствовать несчастное юное создание.

Беру журнал, со страницами которого играет ветер, и открываю посередине. Меж глянцевых листов заложено несколько купюр и абонемент на игры «темно-красных». Я поднимаю взгляд на оживленную проезжую часть в пятидесяти метрах от скамейки и качаю головой: «Ну, зачем?», затем снова смотрю на деньги и понимаю, что их будет достаточно на такси и поесть, а это очень кстати, когда ты находишься неизвестно где – возможно, на другом конце города, вдали от дома.

Я смахиваю слезинку, коснувшуюся ресниц, сажусь удобнее и начинаю листать журнал. Эти ухоженные девушки со страниц глянца совсем не похожи на ту, которой я являюсь сейчас: у них прямая осанка, огонь в глазах, сияющие улыбки. Смотришь на таких, и даже в голову не придет, что кто-то из них может скрывать личную драму. Они красивые и сильные, как эта незнакомка, которая, уверена, преувеличивает, рассказывая про свой опыт.

Разве можно оправиться, если кто-то уничтожил тебя?

А потом я застываю, наткнувшись на фото незнакомки в заголовке одной из колонок. Катя Морозова – написано под снимком, где она немного моложе и с другой стрижкой¹. А дальше идет ее статья с размышлениями на тему секса из мести, и я жадно впиваюсь глазами в строчки.

«Если секс с кем-то другим поможет вам оставить печальные мысли о бывшем в прошлом, то стоит попробовать этот вариант. Но решение не должно быть импульсивным, ведь заряд эндорфинов, полученных после секса, рассеется быстрее, чем вы вернетесь в реальность.

И еще. Секс ради мести – все еще секс».

Я перечитываю этот абзац дважды, а затем провожу пальцами по строчке, где написано: *«Счастье – лучшая мсть»*.

Дальше журналистка Морозова перечисляет минусы секса из мести и делает выводы: *«Не так давно у меня был подобный опыт. И я до сих пор в замешательстве. Хуже мне не стало, но и легче – тоже. Хотя, почувствовать себя вновь желанной было приятно. Подытоживая, скажу, что хотеть мести – нормально. Но это не значит, что нужно идти и мстить»*.

Я закрываю журнал и откидываюсь на скамейке. На меня обрушивается осознание: *мсть* – вот чего мне хотелось вчера, когда я буквально предлагала себя Сереброву, не думая в тот момент о том, что просто использую его. Я хотела

---

¹ Катя Морозова – главная героиня цикла «Маннер» Лены Сокол и книги «Дневник Кати Морозовой».

причинить Каю боль, но едва не причинила ее себе.

«Счастье – лучшая мечь» – вибрирует у меня в голове.

Но так ли легко притворяться счастливой, когда внутри горькая пустота?

* * *

Я подхожу к дому, когда уже смеркается. С волнением вглядываюсь в окна: в них темно, занавески остаются неподвижными. Вставляя ключ в замочную скважину, внутренне молюсь, чтобы дверь была заперта на замок, но моим надеждам не суждено сбыться – она открыта, и ручка легко поддается, а, значит, внутри кто-то есть, и встреча с этим кем-то неминуема.

Вхожу и прислушиваюсь к тишине. Морально готовлюсь к тому, что Рита с Лео еще в доме, и мне предстоит новый скандал с выяснением отношений. Решаю, что лучше покину жилище сама, если они упрутся: видеть ежедневно эту парочку, так долго водившую меня за нос, выше моих сил.

Но в доме по-прежнему тихо, меня никто не встречает. Я закрываю дверь, прохожу в гостиную и оглядываю пространство: каждый его сантиметр напоминает о счастливых и грустных моментах проживания в одном доме со сводным братом. Пожалуй, будет даже лучше, если нам придется продать эту недвижимость и поделить деньги – возможно, содержание такого количества квадратных метров будет мне

не по карману в ближайшее время.

– Хвостик, – решаюсь, наконец, позвать я. – Кыс-кыс.

Но его не видно и не слышно. И тут меня как холодной водой окатывает: бабуля Хелена... Прогоняя Риту с Лео, я выступала воинственно и дерзко, но не против нее. А уехав, они, наверняка, забрали ее с собой.

Я быстрым шагом преодолеваю расстояние до ее спальни на первом этаже и застываю на пороге – пусто. Стены кружатся. Мне становится стыдно за то, что, пока я упивалась своим горем, кто-то мог нуждаться в моей помощи. И котенок тоже. Что, если он погиб без воды и еды?

– Хвостик! – Кричу я, рыская по первому этажу.

Забегаю в кухню и замираю на месте, увидев Кая, стоящего у стола и держащего котенка в руке, прижатым к груди. В другой его руке – дымящаяся сигарета, ее кончик краснеет в полутьме, окутывающей помещение. Я сглатываю, напорвшись на его холодный взгляд: он такой же колючий, как в тот день, когда парень впервые переступил порог этого дома. Взгляд – вызов. Взгляд – объявление войны.

– Кай, – мое дыхание обрывается.

Его глаза скользят по моей одежде, уголок губ едва заметно дергается.

– Мяв! – Жалобно пищит котенок, реагируя на мой голос. Начинает трепыхаться в его руках.

Но я стою, едва дыша, и боюсь сделать шаг в его сторону. Ощущение, что взгляд Кая сейчас разрежет меня пополам,

как острым клинком, не дает пошевелиться.

– Привет. – Моих сил хватает лишь на полусшепот.

Стены кухни дрожат. От мысли, что все пережитое нами уже позади, сердце захватывается неистовой болью.

– Я думала, ты ушел. – Признаюсь я тихо.

Но Кай по-прежнему не торопится отвечать мне. Делает затяжку и медленно выпускает дым. Теперь этим дымом пропитается вся шерстка Хвостика. Мне хочется возразить против этого, но останавливает боль, которую я вижу в черных глазах Кая. Несмотря на злость, его взгляд кажется усталым и грустным.

– Послушай. – Вздыхаю я, делая шаг.

И вижу напряжение, захватывающее его лицо.

– Уже таскаешь его шмотки? – Брезгливо бросает он. – Тебе не идет. Те вульгарные тряпки, в которые ты вырядилась в прошлый раз, больше подходят.

Его слова звучат, как пощечина, но, как ни странно, мне становится только легче. Страдания, которые Кай мне причиняет, напоминают о том, кто он, удерживая меня от броска в темный омут, где его черти сначала подарят наслаждение, а затем обглодают меня до костей.

– Я понимаю. – Кивнув, игнорирую обидные замечания. – Кай, я не стану говорить, насколько мне больно стоять рядом с тобой и смотреть на тебя. Не буду рассказывать, что чувствую при этом. Но я хочу, чтобы отныне мы общались как нормальные люди: не кусались, не бросали обидных слов, не

избегали друг друга.

– Труссы тоже у него оставила? – Кривится он. – На память этому слизняку?

– Ты неисправим. – Констатирую я. – С тобой просто невозможно разговаривать, тебе следует повзрослеть.

Его лицо искажает злоба, Кай тушит окурок в пепельнице и резким выдохом выпускает дым. Когда он быстро преодолевает разделяющее нас расстояние, мне хочется зажмуриться, но я сдерживаюсь, чтобы не выдать чувств. Меня всю трясет – от страха и... нежности, рвущейся из сердца.

Этот человек стал моим миром, моим воздухом. Он был моим светом, моим небом, моим дождем. Я так его любила, мечтала провести с ним всю свою жизнь, облегчить его душевную боль. Я была уверена, он станет самым лучшим для меня. Но сейчас... Кай стал песчаной бурей, высасывающей из меня последние силы, ломающей конечности, оставляющей лишь шрамы.

Он стал моим наказанием за мои же глупые мечты.

– Как? Ты? Могла? – Убитым голосом произносит Кай мне прямо в лицо. Лучше бы он орал, ведь этот его тон буквально парализует меня. – Ты... – Дрожа от напряжения, цедит он. – Я. Тебя. Так...

Я вижу, как сильно он сжал челюсти, и как тяжело дышит. Ощущаю горький аромат дыма с его губ.

– Отдай. Отпусти. – Выцарапываю котенка из его рук. – Ему больно.

Кай расцепляет пальцы, и я забираю Хвостика. Прижимаю к груди. Но немая схватка продолжается: Кай будто выкрикнет сейчас мне в лицо все самые грязные ругательства, которые ему известны. Или заплачет и заскулит. Он буквально на грани – его взгляд безумен.

– Прости меня. – Понизив голос на тон, говорю я. Мне хочется его обнять, погладить по спине, прошептать слова утешения на ухо, но вместо этого я качаю головой и тихо добавляю. – Мы причинили много боли друг другу, и это так скоро не забудется.

Только оказавшись рядом с ним, я понимаю, что не забудется вообще ничего. У меня не получится вычеркнуть Кая из своей жизни, ведь он – полноправная ее часть, часть и меня самой. И привыкнуть жить без него тоже не в моих силах, я не смогу притворяться, что мне все равно, что я ничего не чувствую к нему, и что могу заниматься сексом, с кем хочу.

Я вообще без него не хочу. Ничего. Ни жизни, ни любви. И это так больно осознавать.

– Кай. – Я перевожу взгляд с его сухих, потрескавшихся губ на пылающие огнем глаза и темные круги под ними. Встаю на цыпочки и осторожно касаюсь пальцами его щеки.

Кай вздрагивает и закрывает глаза, перестает дышать. Я ощущаю, как часть его боли передается мне и тяжестью ложится на грудь. Мы оба практически полностью состоим из нее, она тянет нас в бездну.

Что я собиралась сказать ему? Слова здесь бесполезны.

Мне просто нужно быть рядом – ощущать его запах, слышать стук его сердца, чувствовать тепло его тела. Проходят секунды, и он прижимается прохладной щекой к моей ладони, еще какое-то время, и я подаюсь вперед, чтобы коснуться губами другой его щеки.

Но звук шагов заставляет меня вздрогнуть и отпрянуть. А затем слышится женский голос:

– Любимый, я разложила все вещи, но не нашла куда развесить платья, а ты...

В дверях появляется силуэт, зажигается свет, и Эмилия осекается, обнаружив нас тут вдвоем.

Кай

В моей голове схлестываются любовь и ярость, а затем приятная полутьма, окутавшая нас с Марианой, взрывается вспышкой света, и это путает все карты.

Эмилия – и как я мог про нее забыть?

– Э... привет. – Невинно улыбается она, делая вид, будто оказалась тут случайно.

Мою щеку холодит в том месте, где только что была рука Марианы: она поспешила ее одернуть, как только услышала голос Эмилиии, и теперь стоит в метре от меня, в изумлении уставившись на гостью.

– Что ты тут... – Голос Марианы хрипнет, она переводит взгляд на меня. – *Что она тут делает?*

– Ой, прости. – Так некстати вмешивается Эмилия. – Она не знает? Ты еще ей не сказал?

– Не сказал о чем? – Мариана хмурится в замешательстве.

У меня покалывает в пальцах от желания ее обнять и успокоить.

– Эмилия поживет здесь. – Бросив быстрый взгляд на бывшую, говорю я. – Со мной.

Глаза Марианы округляются, она инстинктивно прижимает котенка к сердцу и трясет головой:

– Что?

– Я буду жить с Каем в этом доме. – Радостно и почти

нараспев повторяет за мной Эмилия.

Я бросаю на нее строгий взгляд.

– С чего бы это? – У Марианы такой вид, будто она готова броситься на меня с кулаками.

У меня в горле пересыхает, но я призываю на помощь недавние воспоминания – как она кувыркалась в постели Сереброва мне назло, и это помогает.

– С того, что я получу по наследству половину имущества, а, значит, и этот дом, в котором имею право жить. Ты можешь проконсультироваться со своим юристом, если у тебя есть возражения. – Добавляю с усмешкой.

По всей видимости, ответ ей не понравился. Она делает глубокий вдох и замирает. Пряди светлых волос колышутся вокруг лица, губы пылают. Гнев, зарождающийся на ее лице, вызывает во мне целую палитру чувств – от возбуждения до сочувствия.

– Хочешь сказать, мне придется жить здесь с тобой и... с ней? – Она словно все еще не верит тому, что оказалась в ловушке, и я мог с ней так поступить.

– У тебя с этим проблемы? – Язвительно интересуюсь я.

– Кай, ты серьезно?

– Дом большой, места хватит.

– Я не буду жить в одном доме с твоей беременной подругой. – Произносит она срывающимся голосом.

– Тогда можешь съехать. – Не сдерживается Эмилия.

– Эм. – Предупреждаю я, метнув в нее острый взгляд.

– Я не съеду из своего дома! – Теряя самообладание, пищит Мариана. Ее глаза суживаются, щеки краснеют. – Ты... ты... Как ты можешь вообще?! – Вопит она. – Тебе мало того, что ты со мной сделал?!

– По-моему, ты слишком близко к сердцу принимаешь происходящее. – Подходит ближе Эмилия. – Думаю, мы вполне способны ужиться все вместе ради общего блага...

Мариана срывается с места и уносится прочь из кухни. Мы провожаем ее взглядами.

– Что ты такое ей обещал, что она так расстроилась? – Усмехается Эмилия, когда шаги Марианы затихают наверху лестницы.

Мое сердце колотится, как ненормальное. Приходится задействовать всю силу воли, чтобы не побежать следом.

– Да что с тобой такое?! – Рычу я, резко разворачивая Эмилию к себе лицом.

– Злишься на нее, а срываешься на мне? – Сохраняя спокойствие, улыбается она.

– «Любимый»? Что вообще за «любимый»? С каких это пор ты так называешь меня? – Сдавливаю ее руку.

– Мне больно. – Пытаясь выиграть немного времени, бормочет Эмилия.

Вырывает руку, трет запястье.

– Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы не замечать, какие игры ты ведешь. – С угрозой в голосе произношу я. – Не пы-

тайся делать вид, что появилась в кухне случайно, и что старалась держать язык за зубами, чтобы не усугублять ситуацию. Ты намеренно задирала ее и провоцировала.

– Нет. – Эмилия сглатывает, прижимает руку к груди, защищаясь.

Ей все труднее выдерживать на себе мой взгляд.

– Оставь свои игры, Эм. – Выдыхаю я. – Не трогай ее, ясно?

– Ясно. – Послушно кивает она.

Но и это согласие – тоже лишь игра.

– Ты остаешься здесь до тех пор, пока относишься к ней, как подобает – это мое условие. – Нависнув над ней, четко проговариваю я. – Не цепляешь, не задираешь, не обижаешь Мариану. Лучше вообще не попадайся ей на глаза.

– Сидеть целыми сутками в комнате, чтобы не расстраивать твою сводную сестричку? – Глаза Эмилии злобно суживаются. – Так о ком ты больше печешься: о ней или нашем будущем ребенке?!

– Прикуси язык. – Предупреждаю я.

– Не теряешь надежды трахнуть ее еще раз? – Разочарованно хмыкает она.

– Замолчи. – Прошу, мысленно уговаривая себя не срываться на беременной. – Пожалуйста, не делай хуже, Эм.

– Что в ней такого? – Эмилию буквально трясет. – Ублажает как-то по-особенному?!

Я сжимаю пальцы в кулаки:

– Заткнись сейчас же.

– Лучше расскажи мне, как у вас все было. – Усталым шепотом просит она, приближаясь ко мне вплотную. – По любви? Ты лишил эту куколку Барби девственности, или она отдала свой драгоценный приз кому-то другому? Поделись секретом, Кай. Ты трахал ее на белых простынях ее родительской спальни, или как меня – где придется? На берегу речки, в ржавой тачке, на вписке у друзей или грязном школьном туалете? Ох, нет, эта чистая и невинная овечка не создана для быстрых и потных утех в местах общественного пользования, она – священный олень, которому нужно приносить дары и быть достойным. Да? А друзьям своим ты рассказал, как трахнул ее? Или ты достаточно повзрослел, чтобы понять, что подобное отношение к девушке – низость?

– Хватит! – Я заносу руку над ее лицом.

И Эмилия дрожит, глядя на меня с вызовом. Она хочет этого – чтобы я ее ударил. Специально провоцирует. Ей нужно мое чувство вины, так будет легче управлять мной. И, не получив желаемого, Эмилия злится: испепеляя меня взглядом, стискивает зубы.

– Давай. – Вздыхает она. – Ударь меня! Наши отношения выйдут на новый уровень. Ты же хочешь этого? Давай!

– Нет, не хочу.

– Так чем она лучше меня, Кай? Почему для меня достаточно было и заднего сидения твоей развалюхи и пары комплиментов, а ради нее ты готов измениться? Наверное, цве-

точки ей дарил? Подарки делал? Принцесса просто так не даст, нужно ухаживать!

– Дело вообще не в тебе. – Вздыхаю я.

– Люди не меняются. – Она кладет ладонь мне на грудь. – Ты можешь попытаться развернуться на сто восемьдесят градусов из-за этой девчонки, но она из-за тебя – не станет делать того же. Никогда. Вы из разных миров, Кай.

– А ты, стало быть, из моего мира?

Эмилия вздергивает подбородок.

– Я тебя понимаю. Знаю, кто ты, какой ты. – Ее ладонь опускается по моей груди вниз: медленно, осторожно. – И я никогда не пыталась тебя переделывать... – Шепчет она мне в губы.

– Я сам не знаю, кто я. – Мне просто хочется прекратить этот разговор.

Я задыхаюсь от желания подняться в спальню Марианы.

– И она никогда не полюбит тебя так, как я. – Тяжело дыша, произносит Эмилия.

Я опускаю взгляд. В ее глазах блестят слезы. Ненавижу, когда из-за меня кто-то плачет. Каждый, кто прикасается ко мне сломанному, тоже автоматически становится калекой.

– Мы все это переживем, мы все это забудем. – Гипнотически монотонно шепчет Эмилия. Ее руки обвивают мою талию, смыкаются на спине. – Просто будь рядом и помни, что нужен мне.

– Давай закончим этот разговор завтра? – Осторожно вы-

свобождаясь, предлагаю я.

– Хорошо, пойдем в спальню. – Она берет меня за руку.

Я не даю сдвинуть себя с места. Эмилия, заметив сопротивление, изображает удивление.

– Я буду спать на диване в гостиной. – Твердо говорю я.

Ей хочется возразить, но через мгновение она, очевидно, решает, что лучше сегодня не спорить.

– Ты прав. – Мягко улыбается Эмилия. – Не будем спешить. – Подходит ко мне вплотную и целует в щеку. – Спокойной ночи, Кай.

Она удаляется, а я наклоняюсь на стену и закрываю глаза. Раньше мне казалось, что моя жизнь – отстой, но при этом все было намного проще и понятнее. Теперь же мир вокруг превратился в сущий ад, и я не знаю, как с этим справиться, и надо ли.

Я будто осужденный в пасти гильотины: меня разрывает от всех этих «хочу» и «должен», но приговор, вынесенный хрупкой девчонкой с глазами цвета неба, должен быть приведен в действие как можно скорее. И только ей решать, жить мне или умереть.

Захочет, приползу к ней на коленях, простив все, что другой не смог бы простить. Буду жрать стекло с ее рук, если попросит. Брошу весь мир к ее ногам, если пожелает. Достаточно лишь ее тихого «хочу».

Но я ей не нужен.

Она не оставляет мне шанса на любовь. Между нами во-

общее больше ничего не остается, кроме ненависти.

Мариана

У меня едет крыша.

Я запираюсь в своей комнате, отпускаю котенка на пол и падаю на кровать лицом вниз. Нужно покричать или поплакать, чтобы освободиться от эмоций, но я просто лежу и не дышу, ожидая того момента, когда без глотка воздуха будет невозможно выжить. Пустота засасывает, горло давит, и, наконец, мне приходится повернуть голову, чтобы сделать вдох.

«А-ах!», и вместе с ним в грудь врывается холод.

Что это было? Зачем я себя обманываю? Все попытки убедить себя в том, что мне нужно начать новую жизнь, разбились в ту же секунду, как мы остались с Каем наедине. Я гладила его лицо и практически поцеловала его за миг до того, как нас прервали. Как возможно такое, что мой мозг всеми способами сигнализирует об опасности, а все мое существо противится этому?

Рядом с ним я теряю контроль.

Не хочу, чтобы это происходило.

Появление Эмилии стало ударом, но, наверное, это даже к лучшему: так я буду постоянно помнить о том, что Кай мне не принадлежит, что он связан другими обязанностями, что обратного пути нет. Если уж я так быстро забыла о причиненных обидах, что чуть не бросилась ему в объятия, то их

воссоединение с этой девушкой будет прекрасным сдерживающим фактором для меня, большим красным стоп-сигналом: «Стой, не подходи к нему, будет только хуже!»

Я слышу, как хлопает дверь в соседнюю комнату.

Господи. Теперь он будет жить через стенку вместе со своей бывшей. И нынешней – в одном лице. И что меня ждет? Придется слушать, как они занимаются сексом? Это почти как быть свидетелем, ведь нас разделяет всего пара метров и тонкая стенка. Выдержу ли я это испытание или свихнусь?

От одной только мысли о том, что Кай обнимает свою бывшую, целует ее и придавливает своим весом в постели, у меня жар приливает к лицу, и останавливается дыхание. Видеть его в объятиях любой девчонки или знать, что он встречается с кем-то, невыносимо.

Интересно, как много времени пройдет прежде, чем я смогу спокойно относиться к тому, что каждый из нас живет своей жизнью?

В соседней комнате раздаются шаги, я переворачиваюсь и накрываю голову подушкой, чтобы не слышать. Мне не хочется верить, что все это происходит наяву. Эта Эмилия ведет себя так вызывающе и выглядит уверенно – пожалуй, стоит признать, она подходит ему больше. А еще у них скоро родится сын или дочь. Возможно, это событие изменит жизнь Кая, и он сойдет с пути саморазрушения. Любой исход возможен, но в каждом из них не будет меня.

Мне больше нет места в его жизни.

Но почему же этот факт так трудно принять?

Я отбрасываю подушку и сажусь. Дышу тяжело и часто. Зажмуриваюсь, стискиваю челюсти и беззвучно скулю. На вдохе хлещу себя по щекам. Как же больно! Не удары – я про чувства, что у меня внутри. Почему я так тоскую по тому, кто недостоин меня? Почему оплакиваю прошлое и хочу все вернуть? Почему готова продать душу за то, чтобы хоть на мгновение оказаться на месте той девушки, которая сейчас рядом с ним?

Мне нужно позвонить Алине. Она была со мной, когда умер Харри, она меня поддержала. Только с ней можно поделиться горестными мыслями, и подруга подскажет, как это пережить, и что лучше сделать.

Я достаю из куртки телефон и смотрю на темный экран. Нет, исключено. Алинка злится на меня за то, что я целовала того, кто ей не безразличен. Гадкий поступок, и что хуже – в тот момент я даже не подумала о ней и ее чувствах, думала только о себе и о том, как отомстить Каю.

Кай, Кай, Кай – везде он! Все мысли и дороги в итоге ведут обратно к нему, черт его подери!

Покрутив в руках мобильник, я все же решаюсь его включить. Телефон оживает, экран загорается, и через мгновение на него начинают приходить сообщения и уведомления о пропущенных звонках. Сердце дергается в груди каждый раз, когда я вижу «Кай», «Кай», «Кай». Оно бьется в ритме его имени.

Больше полусотни пропущенных, около двадцати sms.

Удаляю их, не читая. Мне ни к чему знать, что он мне писал, о чем врал, как угрожал – или что там приходило ему в голову в мое отсутствие.

Входящий вызов приводит меня в оцепенение.

– Да? – Отвечаю я, спустя полминуты.

– Привет, это я. – Раздается голос Виктора.

– О. – Выдыхаю я без эмоций.

– Целый день не мог дозвониться, а тут пришло уведомление, что ты снова в сети, и сразу тебя набрал.

– Да. Вот только включила сотовый. – Я наклоняюсь на стену.

Телефон в моей руке дрожит.

– Где ты?

– Уже дома.

Слышно, как он вздыхает.

– Слава богу.

– Ага.

– Я очень волновался, ты ушла в таком состоянии – зря я тебя отпустил. – Серебров молчит, и я молчу. Не дождав-шись ответа, он спрашивает. – Мариана, у тебя все нормально?

– Да. Вполне.

– Ты не одна? – Он понижает голос.

– Одна в своей комнате.

– Кай в доме?

Я закрываю глаза, пытаюсь выровнять дыхание. Кажется, что вместе со следующими словами из меня вырвутся истеричные всхлипы.

– Да.

– Что-то случилось? Он тебя обидел? – Беспокойство в его голосе нарастает.

– Он... нет. – Выдавливаю я. – Просто...

Мне так тяжело дается попытка произнести это вслух, что горло стягивает невидимой удавкой.

– Что просто?

– Здесь Эмилия. – Хрипло шепчу я. – Кай сказал, что она останется тут – с ним.

– В доме? Они будут жить вместе? Рядом с тобой?

– Д-да. – Я говорю это, и на меня наваливается облегчение. – Да.

Следом за ним с глаз срываются слезы.

– Ты плачешь? – Спрашивает Виктор.

– Нет. – Вру я.

И шмыгаю носом.

– Сейчас я приеду и увезу тебя оттуда. – Серьезно говорит он.

– Нет! – Восклицаю я. – Нет, не надо. Пожалуйста.

– Почему? – Сердится Серебров. – Как ты собираешься это терпеть?

– Не нужно меня забирать. Я должна остаться. Так будет лучше.

– Кому?

– Это мой дом, и если я отсюда уеду, они окажутся победителями. Я не дам им повода для радости, не дам выжить меня из родительского дома.

– Ты же понимаешь, что эта ситуация не нормальна?

– Да, понимаю. – Вздыхаю я.

– Ты не обязана приносить себя в жертву.

– Не будет никаких жертв.

– Надеюсь, очень скоро ты передумаешь. – Говорит он, и даже на расстоянии я слышу сопереживание в его голосе, представляю, как Витька качает головой.

– Если пойму, что не справляюсь, сниму квартиру. Обещаю.

– И что будет дальше?

– Нужно возвращаться к нормальной жизни. – Решаю я. – Завтра пойду на занятия.

– Я заеду за тобой утром. – Его тон не терпит возражений.

– Я доберусь на автобусе.

– В половину восьмого.

– Вить...

– Оставаясь там и подвергая себя новым переживаниям, ты делаешь ошибку, но это твой дом, и я уважаю твое решение остаться и отстаивать свои права, Мариана. Пожалуйста, позволь мне забрать тебя завтра утром, если не хочешь, чтобы я сорвался и приехал прямо сейчас.

– Хорошо. – Говорю я после паузы. – Хорошо, приезжай.

– Я рад, что ты нашла в себе силы вернуться к учебе. –
Добавляет он.

– Да.

Надеюсь, у меня, и правда, получится.

– Спокойной ночи.

– И тебе.

Я сбрасываю вызов и смотрю в окно. В голове играет «Sam Smith – Midnight Train»: «I'll will always love you, but tonight's the night I choose to walk away» – «Я всегда буду любить тебя, но именно эту ночь я выбрал, чтобы уйти». Жаль, что смысл некоторых песен мы понимаем только тогда, когда становимся достаточно несчастными для того, чтобы суметь прочувствовать всю глубину боли, скрытой меж ее строк.

* * *

Ночью у меня так и не получается нормально поспать: ворочаюсь, временами проваливаюсь в темную бездну, но снов так и не вижу. Утром встаю рано, принимаю душ, не забыв отметить, что в ванной комнате появилась лишняя зубная щетка и чужое красное полотенце. Меня передергивает от мысли, что Эмилия теперь делит со мной одно пространство и, возможно, наслаждается этими новыми обстоятельствами.

Уложив волосы в небрежные локоны, наношу легкий макияж и крашу губы красной помадой – выглядит свежо и

смело: будто я готова бросить вызов целому миру. Может, это и не так, но я не собираюсь показывать, что страдаю. Счастье – это лучшая месть, да? И пусть до настоящего счастья мне далеко, но, неужели, у меня не получится его сыграть?

Критически обведя взглядом содержимое платяного шкафа, я цокаю языком. Все аккуратное, нежное и такое... скучное. Ничего из разряда «гляньте-ка, какое у меня дерзкое настроение, так и хочется пошалить!»

Выбрав пудровую юбку покороче, дополняю образ черной кофточкой с широким вырезом, который приспускаю с одного плеча. Смотрится игриво. Наношу каплю парфюма на шею и запястья. Дав себе обещание обновить гардероб в самое ближайшее время, отправляюсь вниз, покормить кота. Ступаю тихо и осторожно, чтобы не разбудить соседей – хочется покинуть дом, не столкнувшись с ними. И едва не спотыкаюсь, обнаружив на диване в гостиной Кая.

Он спит прямо в одежде, его правая нога спущена на пол, вместо одеяла – мой вязаный кардиган. Кай прижимает его к груди, будто обнимает. Не знаю почему, но мне вдруг становится хорошо – значит, он спал здесь один, а не с ней.

Пробравшись на цыпочках в кухню, я спускаю Хвостика с рук, наполняю его чашку кормом и добавляю в миску свежей воды.

– До встречи вечером. – Шепчу ему на прощание, когда он приступает к еде.

Выхожу, захватив яблоко со стола. Но уйти незамеченной

мне так и не удается: Кай, вздрогнув во сне, вдруг открывает глаза. Хмурится, увидев меня в нескольких метрах от себя, отбрасывает кардиган в сторону, трет руками лицо.

Я замираю, чувствуя необходимость что-то сказать, но потом решаю, что это вовсе не обязательно: поворачиваюсь и направляюсь к выходу.

– Ты куда? – Спрашивает он.

Останавливаюсь.

– В универ. – Отвечаю, не оборачиваясь.

– Тебя отвезти?

Похоже на предложение мира, поэтому мне приходится повернуться, чтобы удостовериться. Кай выглядит печальным и уязвимым.

– А ты собираешься на учебу? – Решаю спросить я.

– Нет. – Он обводит взглядом гостиную, затем смотрит вверх: мы оба помним, что не одни в доме.

– Тогда не стоит напрягаться, меня подвезут. – Говорю я.

Его глаза скользят по моей фигуре и останавливаются на ноге. Вижу, как он сводит брови, заметив крошечную татуировку на моей щиколотке.

– Хорошо провести время. – Морщится Кай.

– Счастливо оставаться. – Отвечаю я.

Надеваю ботинки на каблуке, накидываю пальто – ничего общего с пацанкой, что явилась вчера в дом в куртке с чужого плеча. Жду, что, может, он окликнет меня, еще что-то скажет, но Кай молчит.

Открываю дверь и выхожу. Холодный ветер бьет меня по щекам, рвет волосы, бесцеремонно врывается под юбку. Я притормаживаю, заметив машину у ворот.

Виктор.

Подержанная иномарка: такие покупают сыновьям, что только получили права – машина, которую не жалко ударить и не дорого содержать.

– Твоя? – Я с улыбкой опускаюсь на пассажирское сидение.

– Осталась от отца. Не внедорожник, конечно, но Audi всегда остается Audi.

– Мне нравится. – Вытягивая ноги, говорю я.

– Отлично выглядишь. – Замечает Серебров, пялясь туда, где подол юбки обозначает середину бедра.

В салоне удушливо пахнет ароматизатором.

– Можно я избавлюсь от этой штуки? – Спрашиваю я, наткнувшись взглядом на источник запаха – небольшую баночку в выемке на панели.

– А... – Задумывается он.

– Спасибо. – Подмигиваю я, хватаю банку и швыряю в окно.

– Вижу, ты сегодня в настроении. – Усмехается Виктор.

– Мне определенно лучше, чем вчера. – Наигранно сообщаю я. – Ну, что, поехали?

– Поехали. – Кивает он. – Не хочешь пристегнуться?

Оглядываю его с удивлением.

– Не хочу, чтобы одежда помялась.

Серебров бросает на меня понимающий взгляд и смеется.

– Ладно, лихачить не буду, поберегу ногу. Сегодня впервые сел за руль с того дня, как сломал ее.

– Ты точно можешь вести машину? – Беспокоюсь я. – Не больно нажимать на педаль?

– Когда ты рядом, восстановление проходит быстрее. Я почти здоров, не веришь? – Он срывает автомобиль с места.

И я едва успеваю бросить взгляд на дом, где силуэт Кая темнеет в окне первого этажа.

* * *

– А что Кай? – Спрашивает Серебров, открывая передо мной дверь, когда мы входим в здание Большого.

– Выглядел чернее тучи и еле сдерживался, чтобы не крикнуть «шлюха!» мне в спину, когда уходила.

– Нет. Я про занятия. – Улыбается он. – Не собирается в универ?

– Не помню, чтобы Кай хоть когда-то придавал значение учебе.

Мы проходим через холл, и я замечаю на себе заинтересованные взгляды парней. Один толкает другого локтем, указывая в нашу сторону, в другой компании, заметив нас, шепотом переговариваются.

– Я не просто так спросил. – Уточняет Серебров, порав-

нявшись со мной. – Прошел слух, что на игре присутствовал селекционер из столичного клуба, а после тренер вызывал Турунена к себе, но тот, естественно, предпочел проигнорировать: свалил и отправился в клуб, где подрался со мной – из-за тебя.

– А, этот день. – Тяну я, заметив, как какие-то второкурсницы показывают на меня пальцем. – Селекционер, значит?

– Думаю, ему хотели предложить контракт, о котором мечтает каждый из нас. Если бы не травма, я играл бы вместо него и имел бы шанс получить такое предложение. – Виктор расправляет плечи. – Зря Кай все просрал.

– То есть, думаешь, уже поздно?

– Такие люди не станут бегать даже за самым талантливым игроком. – Он машет рукой знакомым парням. – Ему следовало явиться в тот же миг, как его пригласили, а теперь Каю лучше не попадаться на глаза тренеру – тот с говном его сожрет.

Я замедляю шаг, пытаюсь осмыслить услышанное. Шанс, который выпадает редко и не всем. Шанс, которого Кай ждал всю жизнь. Шанс, который он упустил – возможно, из-за меня и произошедшего в клубе «Гараж».

– Ты уверен, что ему хотели предложить контракт?

– Даже если так – он его упустил. – Пожимает плечами Серебров. – Ему бы думать, как остаться в нашей команде: это тебе не Сампо, никто не станет ждать, пока он нагуляется.

– А ты можешь узнать, правда это или нет? Про селекци-

онера. – Останавливаюсь я.

Виктор оборачивается, его глаза суживаются.

– Переживаешь за него? Думаешь, Кай того стоит?

Мой желудок скручивается в узел.

– Хочу, чтобы он получил этот контракт и освободил дом от своего присутствия. – Отвечаю я.

Но жар неумолимо приливает к щекам.

– Постараюсь разузнать. – Делает вид, что поверил мне, Виктор.

– Спасибо. – Коротко обнимаю его, и мы идем дальше. – Слушай, а чего это они все так пялятся на меня?

– Как? – Расплывается в улыбке Серебров.

Я киваю в сторону парней, стоящих у гардероба.

– Ну, так. Не знаю. – Я нервно расправляю ладонями юбку, поправляю волосы.

– Просто ты очень красивая. – Подталкивает он меня плечом. – А еще все парни в универе оживились от слухов, которые ходят после вечеринки в клубе.

– Слухи? Какие? Обо мне? – Удивляюсь я.

Виктор смеется.

– Ты запрыгнула мне на колени на глазах у всей хоккейной команды и засунула свой язык мне в рот. Если об этом и мечтает каждый в универе, то получить от Кая Турунена на глазах у всего клуба – никто не хотел бы. Так что наш поцелуй и позорная драка – события, достойные всех самых грязных сплетен, поверь! Местные злословы еще не отошли

от прошлой стычки – Кая с Лернером, а теперь он делит девушку уже с партнером по команде и другом. Прикинь, как все это интересно обсуждать в деталях?

– Боже. – У меня пересыхает в горле.

– Готов спорить, они гадают, ты теперь со мной или свободна. – Наклоняясь к моему уху, шепчет Серебров. – Поэтому, если второе тебя пугает, и ты боишься толп поклонников, я могу тебя обнять. Прямо сейчас.

– Я не против поиграть в эту игру, чтобы Кай держался от меня подальше, но только не с тобой, Витя. – Толкнув его плечом, отвечаю я.

Теперь он выглядит по-настоящему расстроенным.

– Это еще почему? Что со мной не так? – Его лоб сжимается в складки. – Считаешь, я испугаюсь Кая? Да даже, если между нами ничего нет, кроме дружбы, он не может мешать мне общаться с тобой!

– Дело не в нем, – бормочу я.

– А в чем тогда?

Я останавливаюсь посреди шумного коридора, заметив Алину, сидящую на подоконнике и обнимающую колени. Рядом с ней Ник. Они переговариваются, увидев меня, и отворачиваются к окну.

– А что это с твоей подругой? – Встревожено спрашивает Серебров. – Похоже, не рада тебя видеть.

Я вцепляюсь в сумку, пытаюсь перевести дыхание.

– Ненавидит меня. – Объясняю ему.

– Почему?

– Угадай с трех попыток. – Вздыхаю, подняв на него взгляд. – Не тупи, Серебров!

– Чего? – Теряется парень.

– Алина злится на меня из-за тебя. Она – моя подруга, и я поступила отвратительно, когда полезла к тебе с поцелуями, наплевав на ее чувства. И именно поэтому я не стану с тобой встречаться – ни фиктивно, ни по-настоящему.

– Подожди, подожди, – Виктор наклоняется ближе, будто не слышит. – Из-за Алины ты что?

Мои плечи опускаются.

– Девочки не встречаются с бывшими своих подруг, это – табу, понимаешь? И ей было неприятно, когда я поцеловала тебя. Думаю, ее чувства к тебе еще не остыли.

– Да мы не встречались даже... – Серебров выглядит реально ошеломленным.

– Видимо, она так не считает. – Пожимаю плечами. – Ты бросил ее после того, как вы переспали.

– Но у нас не было отношений. – Он разводит руками. – Вика сказала, что помимо меня Алинка гуляет еще с двумя ребятами, и я подумал это так... секс, и ничего больше.

– Вика? – Ухмыляюсь я. – Нашел, кого слушать.

– А что... разве... – Задумывается он.

– Ну, ты и дурак. – Хлопаю его по плечу. – Ладно, до встречи, мне нужно поздороваться с друзьями.

И, оставив его одного, направляюсь к Алине с Ником.

– Привет. – Говорю, прочистив горло.

Сердце в груди начинает отбивать чечетку. Но подруга не спешит награждать меня взглядом, смотрит в окно неотрывно – будто увидала там что-то необычайно интересное.

– Привет. – Повторяю я.

Ник убирает руки в карманы и смеряет меня долгим, укоряющим взглядом.

– Алина, я хотела извиниться. – Тихо говорю я, игнорируя его.

И в следующий момент она резко поворачивается: на ее лице написано горькое разочарование.

– Мне послышалось, или кто-то что-то пропищал? – Раздраженно бросает она.

– Скорее, прожужжала назойливая муха. – Усмехается Ник.

– Ненавижу мух. – Брезгливо говорит Алина, вставая с подоконника. Закидывает сумку на плечо. – Они не брезгуют копаться в чужом дерьме и объедках. Фу.

И, задев меня плечом, удаляется к аудитории.

Я застываю, точно громом пораженная. Представляю, какое у меня сейчас выражение лица – ошалевшее и обреченное.

– Я же хотела попросить прощения. – Выдыхаю я.

– Надеюсь, у вас с ним все получится. – С улыбкой говорит

Ник. – Хорошо смотрите.

– Слушай, Никит, мы с Витькой не вместе. – Пытаюсь объ-

яснить я, заметив, что он собирается уйти. – Знаю, как это выглядит, но он просто меня поддерживает. Я не хотела ранить Алину.

– Поэтому идешь с ним под ручку по универу?

– Он был рядом, когда мне было плохо. Виктор – мой друг. – Я начинаю уставать от попыток оправдаться. – Мне жаль, что я так повела себя в клубе...

– Ты повела себя как эгоистка и продолжаешь в том же духе.

– «Нужно вообще всегда думать только о себе» – разве это не ты говорил мне? – Восклицаю я, и вдруг осекаюсь. – Ой... Прости, Ник, я не то хотела сказать...

– Выглядишь, кстати, вульгарно. – Цедит он сквозь зубы прежде, чем оставить меня одну посреди коридора. – Только ценника не хватает. Прикрепи там, где хорошо будет видно – на буфера, например.

И уходит.

А я рычу, сжав пальцы в кулаки.

«Да к черту вас всех! К черту! Как хочу, так и живу! Пошли вы!»

И, откинув волосы назад, спешу к аудитории, в которую уже вошел преподаватель. Ступая меж рядов, не забываю качать бедрами и улыбаться – хрен кто увидит мою печаль!

Никто из вас даже не догадается, что у меня внутри.

Кай

– Хочешь, приготовлю тебе оладьи на завтрак? – Эмилия, уперев ладони в столешницу, наклоняется надо мной.

Мне приходится поднять на нее взгляд. Она в коротких шортиках и узком топе, ткань топа натянута так, что, кажется, в любой момент ее грудь может вырваться наружу. Эмилия сияет, прикидываясь услужливой и удобной, но сейчас у меня нет никакого желания ей подыгрывать.

– С каких это пор ты стала хозяйюшкой?

– Всегда была. – Очаровательно улыбается она. – Если бы ты хоть раз побывал у нас в гостях, то знал бы, что я неплохо готовлю. Так что... – Эмилия почти ложится на стол, – тебе повезло с будущей женой и матерью твоего ребенка.

– Не выйдет. – Возвратив ей улыбку, говорю я.

– Что именно? – Растерянно хмурится она.

– Не выйдет. – Повторяю я. – Даже если ты продолжишь играть в «счастливы вместе», мы не станем образцовой семьей. Не превратимся в гребаных мамочку и папочку с рекламной брошюры.

– Кай, – пытается возразить она, выпрямляясь.

– Мы уже обсуждали это. – Обрываю ее я. Беру бутылку пива из холодильника и осушаю почти наполовину. – Лучше не зли меня, Эмилия. Быть с тобой только ради ребенка это плохо для всех, для него – в том числе. Я не люблю тебя и не

собираюсь изображать чувства. Ты можешь рассчитывать на мою поддержку – это да, и я постараюсь вас обеспечить всем необходимым, но, черт подери, не более. Это мой предел, Эм, и я честно предупреждаю тебя об этом заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.